УЛС.
К 535

УЧЕН
1949
И Л

КЛИЧЪ

ДВУХНЕДѢЛЬНИКЪ

ОТДЕЛЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

№ 4.

МОСКВА—1917.

Р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Югуртъ. Самозащита и служеніе народу. 3
Яковъ Браунъ. Трагедія и задачи современнаго поколѣнія 10
Рафаэль Агабабовъ. Намъ нужно 17
С. Кедринъ. О профессіональномъ офицерскомъ союзѣ 26
Р. Э. Герлахъ. Лига интеллигентнаго труда. 32
Л. Черный. Этюды о классовой природѣ интеллигенціи. 35
Богд. Боднарскій. Международное единеніе 40
Ам. Адамовъ. Несмѣняемость судей. 44
Хроника 48

Библиотека
Института Ленина
при ЦК РКП (б.)

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

САМОЗАЩИТА И СЛУЖЕНІЕ НАРОДУ.

Прежде всего нужно поставить точку надъ і. Не нужно скрывать, что иниціаторы Федераціи работниковъ умственнаго труда открываютъ совершенно новый путь для русской интеллигенціи, во многомъ радикально порывающій съ прошлымъ. Правда, можетъ казаться, что какъ программа, такъ и тактика являются давно извѣстными, признанными, оправданными рядомъ историческихъ опытовъ, что классовая организація интеллигенціи есть лишь видоизмѣненіе пролетарской классовой организаціи, что здѣсь мы имѣемъ простое перенесеніе готовыхъ, выработанныхъ формъ въ новую среду, на новые соціальные слои. Все это совершенно справедливо и тѣмъ не менѣе разрывъ съ традиціей очевиденъ и притомъ разрывъ принципіальный, существенный. Его не думаютъ скрывать и сами зачинатели движенія. Они предлагаютъ интеллигенціи «отбросить традиціонный сентиментализмъ и навязанныя ей замашки благотворительности, во всеуслышаніе объявить свою классовую волю» (Кличъ № 1, стр. 3). Они настойчиво указываютъ на тотъ фактъ, что у представителей интеллигентнаго труда «имѣются и экономическія задачи, а не только безтѣлесныя устремленія въ бездны и выси духа» (Кличъ № 1 стр. 24). Въ согласіи съ этимъ § 1 проекта устава Федераціи Союз. Р. У. Т. заявляетъ, что союзъ объединяетъ только на экономической почвѣ внѣ политическихъ партій (Кличъ № 2 ст. 50).

Вотъ если мы продумаемъ до конца эти положенія и тѣ слѣдствія, которыя изъ нихъ вытекаютъ, то сразу съ очевидностью обнаружится глубокій разрывъ съ традиціонными цѣлями и идеалами, которые ставила себѣ русская интеллигенція. Вѣдь эти идеалы во многомъ являлись именно «без-

тѣлесными устремленіями въ бездны и выси духа», а чувства, побуждавшія ихъ ставить и приносить себя имъ въ жертву, не были лишены «благотворительной сентиментальности». Задачу интеллигенціи понимали, какъ *безкорыстное служеніе народу*, какъ жертвенный путь во имя идеала чистаго блага, свободы, гуманности, разума. Этотъ путь, это основное рѣшеніе, придавало интеллигенціи особый подвижническій обликъ, давало ей ореолъ мученичества, сближало русскую революцію съ движеніемъ религіознымъ.

Безкорыстное служеніе народу, кажется, діаметрально противоположно экономическому утвержденію класса. Въ этомъ отношеніи разрывъ съ традиціей полный. Иниціаторы движенія, кажется, сами даютъ просторъ самымъ разнообразнымъ нападкамъ на нихъ. Ихъ будутъ упрекать въ отступничествѣ, въ матеріализмѣ, въ мелочности и низменности ихъ цѣлей. Нужно прежде всего расчленить всю неосновательность подобной критики, слѣдуетъ видѣть правоту дѣла объединяющихся интеллигентныхъ работниковъ. Вѣдь ихъ цѣлью прежде всего является борьба противъ эксплуатаціи со стороны капитала и со стороны государства, борьба же противъ эксплуатаціи не можетъ не имѣть за себя всяческой моральной санкціи. Вѣдь это дурно понятая нравственность, лицемѣрная, неискренняя и коварная, которая выступаетъ съ проповѣдью терпѣнія, смиренія и любви, въ цѣляхъ прибрать къ рукамъ терпѣливыхъ и смиренныхъ. Увѣренная защита своихъ правъ есть долгъ всякаго человѣка, обладающаго сознаніемъ права, и говорить тутъ о низменномъ эгоизмѣ не приходится, вопросъ личный и классовый здѣсь расширяется до вопроса принципіальнаго и идейнаго. Дѣло идетъ объ освобожденіи каторжниковъ культуры. До сихъ поръ трудъ интеллигента былъ поставленъ почти въ невыносимыя условія. Біографіи нашихъ любимыхъ писателей показываютъ, въ какихъ злыхъ тискахъ нужды имъ приходилось бороться и творить. Жизнь мелкаго чиновника, учителя, актера, художника подобна мартирологу, ежедневной трагедіи, изъ которой единственнымъ выходомъ является смерть. Поэтому, конечно, профессіонализмъ интеллигентныхъ работниковъ долженъ быть привѣтствуемъ, какъ начало освобождающее.

И тѣмъ не менѣе... Развѣ тотъ прежній путь «безкорыст-

наго служенія на роду» непрекрасенъ по-своему, должны ли мы его оставить? Не значило ли бы это, что русская интеллигенція должна стать Марѳой, переставъ быть Маріей, сидящей у ногъ Христа?

Вотъ тѣ вопросы, которые невольно возникаютъ, которые рѣшить необходимо. Мы должны ясно сознать трудности рѣшенія, всю обоюдную остроту его.

Прежде всего постараемся прослѣдить тѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ классовой точки зрѣнія. Интеллигенція должна организоваться, какъ классъ, «во весуслышанье заявить свою классовую волю», но, конечно, также, если не раньше организуются и другіе классы и они будутъ заявлять и уже заявляютъ свою классовую волю. У интеллигентныхъ работниковъ могутъ быть союзники, но будутъ и противники. Нельзя думать, что борьба будетъ итти только противъ эксплуатаціи со стороны капитала и со стороны государства, борьба предстоитъ и она уже намѣчается съ широкими слоями населенія, съ рабочими и крестьянами.

Уже сейчасъ мы получаемъ извѣстія изъ многихъ мѣстъ, что инженеровъ вывозятъ на тачкѣ заводскіе рабочіе, что крестьяне удаляютъ агрономовъ, учителей, врачей, какъ совершенно ненужныхъ имъ людей. Комитеты предлагаютъ платить сестрамъ милосердія 8 руб. въ мѣсяцъ, сбавить жалованіе офицерамъ и т. д. Въ самыхъ широкихъ кругахъ растетъ недовѣріе къ интеллигенціи, стремленіе отъ нея отмежеваться, и если интеллигенція будетъ настаивать на своихъ классовыхъ интересахъ, то этимъ интересамъ будетъ противопоставленъ интересъ другихъ классовъ и группъ.

Напримѣръ, въ будущемъ едва ли государство будетъ въ состояніи открыть достаточное количество школъ, училищъ и гимназій, частнымъ организаціямъ будетъ предоставлена самая широкая иниціатива. Какое-нибудь сельское общество пожелаетъ имѣть гимназію и будетъ платить своимъ учительницамъ 40 руб. за годовой часъ. Раньше многія дѣвушки шли въ народъ безкорыстно лишь для цѣлей просвѣщенія, въ Москвѣ на курсахъ для рабочихъ многіе преподаватели работали совершенно безплатно; конечно, подобная «жертва» идетъ въ разрѣзъ съ чистымъ профессіонализмомъ. Долженъ ли союзъ вмѣнить въ нравственную обязанность своимъ членамъ не

обезцѣнивать свой трудъ и трудъ своихъ товарищей, долженъ ли онъ бороться противъ подобнаго благотворенія?

Я хочу быть понятымъ; противъ меня нельзя привесть того простого соображенія, что вообще никому не запрещается употреблять свой трудъ и свои деньги, какъ угодно, что каждый воленъ жертвовать своимъ достояніемъ, что дѣло идетъ не объ отдѣльной личности, а о классѣ и классовой волѣ. Именно о ней-то я и говорю. Нужно ясно осознать, что значитъ классовая точка зрѣнія и въ какой мѣрѣ она можетъ быть принята.

Въ кругахъ, близкихъ къ марксизму, классовая точка зрѣнія считается революціонной по преимуществу; противорѣчіе есть то, что способствуетъ прогрессу и ведетъ къ освобожденію. При этомъ едва ли всѣмъ ясны основанія такого мнѣнія и такой оцѣнки. Вѣдь, кажется, здравый смыслъ противъ такой концепціи. Классовый эгоизмъ противоположенъ, какъ воля частная, волѣ общей, которая одна должна господствовать въ обществѣ. Классовая точка зрѣнія поэтому разрушаетъ свободу, а не утверждаетъ ее, она должна быть осуждена, какъ тираническое стремленіе. Дѣйствительно, наличность противорѣчія частныхъ волъ издавна служила опорой теоріямъ абсолютной власти. Разъ человѣкъ для человѣка является звѣремъ, то естественную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ можетъ прекратить только мощь, надѣленная абсолютными полномочіями. Такъ разсуждалъ Гоббсъ.

Для того, чтобы понять и принять классовую точку зрѣнія нужно быть знакомымъ съ Гегелемъ. Въ этомъ пунктѣ Марксъ вполнѣ зависитъ отъ своего учителя—метафизика. По доктринѣ Гегеля «часть равна цѣлому», это звучитъ парадоксально, но въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ пріемлемо, для этого вовсе не нужно погружаться въ глубины логическихъ проблемъ.—Я видѣлъ міровую душу верхомъ на лошади—писалъ Гегель послѣ встрѣчи съ Наполеономъ на улицахъ Іены. Наполеонъ былъ для него міровой душой, ея живымъ воплощеніемъ. Эта «Міровая душа» сидѣла верхомъ на лошади. Часть здѣсь была равна цѣлому. Равнымъ образомъ философія исторіи проникнута у Гегеля теоріей мессіанства, отдѣльные народы являются въ опредѣленныя времена представителями и выразителями всего человѣчества, они, будучи индивидуальными

и до конца національными, они создаютъ общечеловѣческія цѣнности и тѣмъ самымъ становятся народами «историческими». Часть и здѣсь тождественна съ цѣлымъ.

Перенесемъ эти разсужденія Гегеля на соціологическую почву и мы будемъ имѣть теорію классовой борьбы и поймемъ оправданіе классовой точки зрѣнія: и здѣсь часть равна цѣлому. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія Маркса освобожденіе класса рабочихъ является въ тоже время освобожденіемъ всего человѣчества, ихъ частный интересъ совпадаетъ съ интересомъ общимъ, потому что общая воля понята Марксомъ не догматически, отвлеченно, какъ у Руссо, а динамически и діалектически. «Общая воля» какъ голосъ большинства въ данное время не есть нѣчто непререкаемое и окончательное, она способна затемнить своимъ тождествомъ противорѣчіе частныхъ воль обществъ и, слѣдовательно, противорѣчіе въ себѣ, съ которымъ она не считается. Классовая точка зрѣнія выявляетъ это противорѣчіе и тѣмъ самымъ стремится къ единству болѣе полному и болѣе цѣлостному.

Такимъ образомъ классовая точка зрѣнія, правильно понятая, всегда въ то же время предполагаетъ существенное отношеніе къ интересамъ цѣлаго, безъ чего она превращается изъ принципа освобождающаго въ принципъ порабощающій, въ проповѣдь отторженнаго и одинокаго классоваго эгоизма. Этотъ принципъ легко поддается извращенію и если въ настоящее время мы можемъ сомнѣваться, въ правѣ ли рабочій пролетаріатъ настаивать на удовлетвореніи исключительно своихъ «классовыхъ» интересовъ, безъ признанія интересовъ всей Россіи, если мы можемъ спрашивать, не закладывается ли фундаментъ для контръ-революціи подъ знакомъ революціи, не является ли диктатура пролетаріата переходнымъ моментомъ къ диктатурѣ просто, то еще въ большей мѣрѣ мы должны настаивать на томъ, что классовая воля интеллигенціи должна быть оріентирована на общей волѣ всего русскаго народа и только черезъ это существенное отношеніе она можетъ получить свое оправданіе и признаніе.

Вопросъ такимъ образомъ долженъ быть поставленъ въ такомъ видѣ: въ какой мѣрѣ классовые интересы интеллигентныхъ работниковъ совпадаютъ съ интересами всего русскаго народа, является ли борьба за утвержденіе одного класса

въ то же время борьбой за пользу общую, интересъ общій. Только въ такой постановкѣ можетъ быть пріемлемъ чистый «профессіонализмъ» работниковъ умственнаго труда, потому что онъ не просто отбрасываетъ «устремленія въ бездны и выси духа», но включаетъ въ себя идеалъ, истинно понятый, безъ чего ни одно общественное движеніе не можетъ имѣть силы одушевляющей и, слѣдовательно, не можетъ и дать какого-либо положительнаго результата.

Нужно признать, что самый фактъ постановки подобныхъ вопросовъ означаетъ уже большой шагъ впередъ, онъ показываетъ, что мы вступили въ новую эпоху нашего историческаго бытія, что мы начинаемъ мыслить «свободно». Вѣдь ни для кого не тайна, что еще такъ недавно всѣ подобные вопросы запрещались и замалчивались. Русская прогрессивная мысль страдала двумя, кажется, исключающими другъ друга и въ то же время одинаково пагубными предразсудками: догматизмомъ и романтизмомъ. Догматизмъ требовалъ абсолютнаго и некритическаго признанія догмъ, принятіе принциповъ, признаваемыхъ почему-то за прогрессивные; романтизмъ множилъ въ душахъ химеры, призраки и утопіи, лишенные всякаго отношенія къ живой непосредственной дѣйствительности.

Попытаемся же отвѣтить на вышепоставленный вопросъ: въ чемъ состоятъ существенные интересы работниковъ умственнаго труда, въ чемъ они совпадаютъ съ интересами общенародными? Отвѣтъ не долженъ насъ слишкомъ затруднять. Интересы интеллигенціи, какъ класса, необходимо требуютъ такого соціальнаго и политическаго строя, такой общественной структуры и такой культурной атмосферы, чтобы наиболѣе легко и безпрепятственно могли бы находить осуществленіе творческія цѣнности свободной личности. Основнымъ профессіональнымъ интересомъ класса работниковъ умственнаго труда является творческое самоутвержденіе. Гдѣ нѣтъ свободы творчества, тамъ задыхается интеллигенція, потому что сама сущность мысли есть свобода и творчество.

Потому художники, напримѣръ, должны считать за униженіе себѣ и за проституированіе своего таланта покорствованіе и угожденіе даннымъ вкусамъ общества, они должны изыскивать средства, дѣйствуя черезъ свой союзъ, пропаганды новыхъ вкусовъ, они должны изыскивать коллективные пути

для возможности возникновенія искусства новаго, они должны бороться за свободу своего творчества, потому что безъ нея они перестаютъ быть художниками.

Мыслители должны свергнуть феодализмъ академій, въ которыхъ почти сплошь царитъ частная зависимость отъ частныхъ лицъ, гдѣ зачастую бездарный, тупой, ординарный профессоръ проводитъ для поддержанія себя и своего вліянія себѣ въ помощники еще болѣе бездарныхъ и тупыхъ учениковъ. Подобнымъ господамъ нужно объявить бойкотъ и заклеймить ихъ клеймомъ позора.

Артисты должны возмутиться противъ эксплуатаціи гнусныхъ инстинктовъ толпы, что такъ часто, напримѣръ, дѣлается въ кинематографіи, и не позволять ни себѣ, ни товарищамъ принимать участіе въ спектакляхъ и постановкахъ, возмущающихъ этическую и эстетическую совѣсть. Контракты въ данномъ случаѣ должны быть объявлены недѣйствительными и свобода возвращена тому, кто долженъ владѣть ею неотъемлемо.

Настаивая на свободѣ своего творчества, какъ на чистомъ профессіонализмѣ, работники умственнаго труда въ то же время могутъ спокойно взирать на возможныя столкновенія съ интересами другихъ классовъ; они могутъ быть увѣренными, что, дѣйствуя въ своихъ интересахъ, они дѣйствуютъ въ интересахъ общенародныхъ.

Въ Россіи слишкомъ много невѣжества, жестокости, лѣности, дикости, чтобы не выходило столкновенія у тѣхъ, кто стоитъ за свободу, за творчество, за разумъ, съ тѣмъ, кто не хочетъ знать подобныхъ принциповъ и не желаетъ съ ними считаться. Подобная тьма и косность существуетъ среди всѣхъ слоевъ населенія русскаго народа. Не будемъ идеализировать, будемъ мыслить реалистически; интеллигенціи въ подлинномъ смыслѣ этого слова очень мало, тѣмъ не менѣе побѣда ей обезпечена, потому что ея орудіе,—мысль, необходима для общественнаго прогресса, даже болѣе для самаго существованія народа. Какъ Филоктетъ со своего острова, интеллигенція можетъ воскликнуть: безъ моего лука и моихъ стрѣлъ нельзя завоевать Иліона.

Югурта.

ТРАГЕДІЯ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННАГО ПОКОЛѢНІЯ.

Часть I. До войны: поколѣніе-сфинксъ.

(Продолженіе.)

Между жизнью и душой героя нашего времени открылась зіяющая бездна. Упали во тьму мосты, соединявшіе берега внутренняго и внѣшняго міра: больше не было той обманчивой, иллюзорной гармоніи между словомъ и дѣломъ, между запросами личности и интересами общества, какой утѣшали себя въ безуміи дѣла предшественники нынѣшняго поколѣнія. Внутреннее осталось только внутреннимъ, не пытаясь даже внѣдриться и выразиться во внѣ, внѣшнее разъ и навсегда потеряло связь съ потребностями духа. И этотъ разрывъ произошелъ не только между человѣкомъ и человѣкомъ, но и внутри одного и того же человѣка порвалась связь между внутреннимъ бытіемъ и дѣйствительною жизнью. Рожденный безвременьемъ, юноша не сознавалъ своего долга передъ обществомъ,—нѣтъ, общество было ему должно: это оно родило и вырастило его въ атмосферѣ чада, это въ душѣ отцовъ остались огарки, а не въ душѣ дѣтей! Падаетъ долгъ личности предъ обществомъ, вырастаетъ долгъ общества предъ личностью, предъ душой, ушедшей отъ жизни, непріемлющей міра.

Въ эти годы съ особенной силой обозначился *уходъ въ творчество*. Я умышленно сказалъ «въ творчество», а не «въ искусство», ибо творчество современнаго юноши меньше всего было искусствомъ. Это было не покаяніе, но разложеніе. Жизнь дробилась и распылялась въ этой химической ретортѣ потайныхъ исканій, душа умирала отъ этого автошпіонажа. Не къ огромному полотну, дѣлающему все характерное типичнымъ,—не къ нему стремилось юношество въ своихъ порывахъ къ творчеству, но къ все меньшимъ отрывкамъ и символамъ внутреннихъ состояній: не горячій фонтанъ крови и жизни билъ изъ твореній современнаго юношества, но убогая, вымученная капелька крови осаждалась на блѣдныхъ страницахъ. Творчество стало послѣднимъ прибѣжищемъ, фетишемъ. Въ него перенесена была и вся жизнь,

и помыслы, и мечты о будущемъ. Юноша нашего времени даже и любилъ больше въ творчествѣ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни. Его творенія—безсильные замыслы великаго скульптора, которому отрубили руки...

Въ отношеніи къ творчеству, какъ къ созиданію новыхъ формъ душевной жизни, слѣдуетъ различать три категоріи людей.

Первые: жаждущіе созиданія и могущіе создать; вторые: не жаждущіе и не могущіе; третьи: жаждущіе, но не могущіе.

Первые, это—признанные нами, доходящіе до насъ голоса сильныхъ духомъ, богатыхъ великими возможностями.

Вторые—обыватели, ибо самымъ существеннымъ признакомъ душевнаго мѣщанства является неумѣніе и нежеланіе творить и тосковать о созиданіи.

Третьи—жаждущіе, но не могущіе,—это самая трагическая и наиболѣе типичная для нашего времени форма отношенія къ творчеству.

Если первые обязательно признаны міромъ и собой, если вторые не ищутъ ни самопризнанія, ни признанія у міра, то третьи всегда не признаны собой, хотя могутъ быть и признаны міромъ. Таковъ, напр., Гоголь во второмъ періодѣ своего творчества,—въ эпоху сожженія «Мертвыхъ душъ». Это—самообреченные. Ихъ слова не дойдутъ до насъ, ибо тяжкой пыткой самообреченія заперли они уста свои. Стыдливые, замкнутые, краткіе и обрывистые, они свято блюдутъ словесный постъ. Все, что они пишутъ или говорятъ, по ихъ искреннѣйшему убѣжденію,—не то, все, что они пробуютъ выразить, выражено ими не такъ, каждое слово для нихъ—костеръ, сжигающій непередаваемое въ душѣ человѣческой. Ихъ творчество для нихъ—жалкій семисвѣчникъ въ сравненіи съ огромнымъ звѣзднымъ міромъ большихъ и малыхъ замысловъ. Дѣти ихъ творчества рождаются съ печатью умиранія въ лицѣ.

«Самообреченные—кроты; они совершаютъ подпольную работу, они—носители невидимой тревоги земли. Это они не даютъ никому успокоиться. Это они впитываются въ поры житейскихъ мелочей и тамъ протестуютъ, протестуютъ...» (изъ моего романа «Сказка»).

Они никогда не изображаютъ внѣшней жизни. Они застаютъ лишь душу на опредѣленныхъ этапахъ ея развитія и

ее, терзаясь, отражаютъ, и замученные вѣчной самонеудовлетворенностью, рвутъ созданное, разбиваютъ отражающія зеркала. «Жажда, самая жажда—лучшій напитокъ ихъ творчества» («Сказка»). И самая страшная, самая мучительная ихъ жажда, это—жажда истиннаго творчества, съ широкимъ охватомъ, вольнымъ разбѣгомъ и яркимъ, молніеноснымъ взлетомъ. Ихъ душа расколота надвое: либо въ ней господствуетъ холодная, напряженная мозговая работа,—тогда они пишутъ исторію своего раздумья; либо они—рабы своихъ настроеній,—и тогда все ихъ творчество—лирика, стонъ въ пространство, крикъ въ пустыню. Они совершенно безсильны изобразить душу или жизнь, какъ процессъ. Они произносятъ вмѣстѣ съ Фаустомъ: «Остановись, мгновеніе, ты прекрасно». Иногда, и даже чаще, говорятъ иначе: «Остановись, мгновеніе, ты ужасно». Но важно то, что они изображаютъ лишь остановленныя мгновенія подпольной душевной жизни.

Существуютъ два типа дарованій: скульптурныя и музыкальныя. Первые, скульпторы по типу дарованія, стремятся запечатлѣть застывшій окаменѣвшій мигъ жизни, будь то мигъ въ мысли, т.-е. афоризмъ, парадоксъ (таковы Ницше, М. Швобъ, П. Альтенбергъ, С. Киркегоръ), или мигъ въ чувствѣ—лирическій аккордъ, мгновенное настроеніе (таковы Гейне, Надсонъ, Бодлеръ, Верхарнъ и т. д.).

Натуры съ музыкальнымъ по типу дарованіемъ стремятся изобразить жизнь, какъ *вѣчный процессъ*. Онѣ видятъ міръ движущимся, измѣнчивымъ, протяженнымъ. Они видятъ дорогу жизни, не только ея маяки. Таковы Толстой, Флоберъ, Достоевскій, Гете...

Душа самообреченнаго скульптурна по самой своей внутренней сущности. Она отпечатлѣваетъ въ сознаніи лишь моменты полнаго освобожденія отъ обыденнаго внутри и внѣ себя. Ихъ творчество, какъ и ихъ душа безконечно пассивны. Они оживаютъ идей, но не ищутъ ихъ, не борются за нихъ; они не мечтаютъ, какъ обычно, спасти весь міръ своей идеей, но сами желаютъ спастись идеей своей. Но эти идеи, ни въ какой мѣрѣ не обязывающія активности, совершенно внѣжизненныя, не требующія ни въ чемъ исполненія, сами по себѣ разрушаютъ попытки активности, становятся новой важной причиной ихъ самогибели. Временами имъ кажется, что они умерли. Они не при-

нимаютъ ни жизни, ни смерти. Они часто не въ силахъ были покончить самоубійствомъ, ибо и для этого нужна рѣшительная, живая воля. Они—мученики творчества. Въ этомъ непризнаніи своего творчества, въ этой безсильной Танталовой мукѣ—новый стиль, новая еще не отраженная въ литературѣ трагедія нашихъ дней. И тихо, вѣчно, хоть робко-робко, бунтуютъ въ подпольѣ эти безрукіе скульпторы, и неясный ропотъ этого бунта не давалъ уснуть ихъ отцамъ и старшимъ братьямъ. Самообреченные всегда и всюду одиноки. Они вянутъ и гаснутъ отъ всякаго нечуткаго слова или движенія. Они тайно горды, подпольно—самолюбивы.

Въ ихъ душѣ завѣшаны зеркала, какъ въ домѣ умершихъ: такъ стыдятся они своего отраженія, такъ фанатически топчутъ ногами непокорные огни своихъ замысловъ и зачинаній. И все же во всѣхъ ихъ писаніяхъ доминируетъ и отражается ихъ душа, только она—и ничего больше. Въ каждомъ камнѣ, ими изображенномъ, безъ труда отыщете таинственныя письмена ихъ пустынной жизни, въ каждомъ цвѣткѣ, ими нарисованномъ, почувствуете осенній ароматъ ихъ молчанія, ихъ подполья.

Они умѣютъ говорить только о своемъ молчаніи. Таковъ этотъ новый типъ творчества, дремлющій въ нѣдрахъ современнаго поколѣнія, таковы самообреченные.

* * *

Но этимъ отнюдь не исчерпывается трагедія творчества въ душѣ юноши начала XX вѣка. Творчество никогда не оставалось для него только творчествомъ. Изъ узкой сферы искусства оно стремилось въ широкій, безбрежный океанъ жизнетворчества. Оно должно было стать солнцемъ жизни, единственнымъ ея смысломъ и оправданіемъ, озареніемъ дней и ночей, спасеніемъ отъ самоубійства, импульсомъ обновленія и любви. Творчество должно было спасти положеніе цѣлаго поколѣнія, ушедшаго въ подполье, должно было подмѣнить жизнь. Почему же эта тоска по жизнетворчеству должна была неизбѣжно привести къ душевному банкротству?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ указать еще на одну весьма важную особенность психики современнаго поколѣнія: это, если можно такъ выразиться,—дальтонизмъ дѣла. Все дѣло въ томъ, что герой нашего времени въ жизни

дѣла не видѣлъ. Оттого такое перевѣшиванье словъ, такая власть неподвижной созерцательности, такой фатализмъ.

— Что дѣлать душѣ человѣческой въ этой сутолокѣ?— вотъ вопросъ, занимающій его при каждодневныхъ столкновеніяхъ съ обыденной жизнью. Единственнымъ дѣломъ душевнымъ казалось ему слово. Далекій отъ общественныхъ вопросовъ, презиравшій политическую шумиху, юноша просто не представлялъ себѣ такихъ понятій, какъ «общество», «общественные интересы», «человѣчество». Для него это были пустые звуки. Такимъ образомъ, возникло трагическое противорѣчіе: все, что казалось окружающимъ единственно важнымъ и занимательнымъ,—тревоги дня, политическія новости, революція въ Турціи, Португаліи, Китаѣ,—все это было въ глазахъ его плоско, тупо, отвлеченно; точно такъ же все, что било его по нервамъ, что погружало его въ безысходное отчаяніе,—сознаніе безцѣльности жизни, мысль о собственной мертвенности и ненужности,—являлось для отцовъ и старшихъ братьевъ надуманной отвлеченностью, «философствованьемъ». Казавшееся умнымъ въ обыденной жизни звучало пошлостью во внутренней, интимной. Все, глубокое въ сокровенныхъ тайникахъ души, оказывалось наивной ребяческой игрой или выдумкой при свѣтѣ дня, въ шумѣ улицъ, въ суетѣ повседневности. Такъ наступило безсознательное душевное «центаврство», по мѣткому опредѣленію Н. К. Михайловскаго:

— Слово—особь статья. Дѣло—особь статья. Подполье—одно, жизнь—другое. Вершины души имѣютъ свои законы, обыденность—свои. То, что вершинамъ свѣтитъ, погружаетъ низины въ тьму. Забавляй себя мечтами, предавайся ненасытному опьяненію идеями, погружайся въ глубину отвлеченной мудрости, но помни, что жизнь лишена всякаго основанія! Она—беззаконіе. Въ жизни все дозволено, въ душѣ—ничего. Душа вовсе не призвана писать законы для тѣла. Душа въ вершинахъ, тѣло въ провалѣ. Личность можетъ творить внутри, но не во внѣ. Во внѣшней же жизни не человѣкъ творитъ свою каждодневность, но каждодневность творитъ, а еще чаще разрушаетъ человѣка.

Такова та безобразная постановка вопроса о конфликтѣ между обыденщиной и необыденнымъ, между тѣломъ и душой, какая сама собой опредѣлилась въ психикѣ героя

нашего времени. Порвались связующія звенья между душой и тѣломъ. И, чѣмъ отвлеченнѣе были порывы души, тѣмъ ужаснѣе были пороки тѣла. Положительно ни одна эпоха не породила такихъ уродцевъ въ борьбѣ за существованіе, въ половой жизни, какъ современная. Съ одной стороны, мистицизмъ до суевѣрности; съ другой—оппортунизмъ, рабская покорность матеріальнымъ условіямъ, пониженіе процента призванныхъ къ своему дѣлу, удивительное (вплоть до цинизма) безразличіе въ выборѣ профессіи, мертвенная холодность къ ужасамъ реакціи, къ эпопеѣ казней и зажиманія ртовъ, къ голоду, растленіямъ, къ уродствамъ общественнаго организма въ эпоху бездорожья. Съ одной стороны, массовыя самоубійства чуткихъ духомъ, хрупкихъ тѣломъ подростковъ, съ другой—огарки, ужасное развитіе пороковъ юности, желаніе забыться и утонуть въ нервномъ томленіи похоти. Съ одной—богоискательство, съ другой—порнографія и пинкертоновщина. Смѣлость мысли и трусость въ жизни, стихійное отрицаніе внѣшняго міра въ подпольѣ и рабское слѣдованіе мерзчайшимъ инстинктамъ этого міра,—таковы ужасные конфликты, выпукло характеризующіе прошлое современнаго юношества. Грустная, задумчивая голова человѣка съ туловищемъ лошади,—ликъ центавра, неземной ликъ дѣвушки съ туловищемъ льва и хвостомъ змѣи, образъ сфинкса,—эти призраки неотступно слѣдовали за юношей нашего времени.

Что было *дѣлать* душѣ человѣческой въ чаду этого раздвоенія? Какъ согласовать, какъ осмыслить свою жизнь однимъ стремленіемъ?

Душа, разложенная, рано уставшая, заболѣла жаждой жертвы. Это—одна изъ болѣзней нашего времени. Но, что поражало въ этой тоскѣ по жертвѣ, по дѣлу, въ которомъ можно было бы сжечь себя всего,—такъ это полное безразличіе къ опредѣленію идеи жертвы.

Не все ли равно, за что отдать себя? Лишь бы отдать! Пожертвовать собою во что бы то ни стало, за что бы то ни было, даже ни за что,—лишь бы пожертвовать! Отдать себя какому угодно дѣлу, но отдать безъ остатка, такъ-таки ухлопать всего!

Въ этомъ былъ, по геніальному выраженію Достоевскаго, особый «цинизмъ гибели», наслажденіе своимъ бездорожьемъ, оргія безпринципности. Наступилъ надрывъ тоски по дѣлу, надрывъ отъ безплоднаго ожиданія новаго яркаго солнца.

Началось судорожное, истерическое метаніе угорѣвшихъ, задыхающихся въ своемъ подпольѣ людей. Они искали выхода. Они хотѣли въ міръ вернуться. Они восторженно встрѣчали всѣхъ, кто хоть во что-нибудь вѣритъ, кто чувствуетъ почву подъ ногами, *за что-либо* борется. Цѣнилось не родство идей, не высота, а самая *идейность*. Вѣра стала талантомъ, даромъ; этотъ даръ вѣры пользовался завистью и уваженіемъ. Замѣчательно при этомъ, что невѣрующіе отличались болѣе сильной жаждой подвига, жертвы «ни за что», чѣмъ вѣрующіе. Отхлынула волна самоубійствъ, погасли огарки, замерла порнографія. Быть душевно-живымъ, умѣть говорить о простомъ, всѣмъ понятномъ, быть жизнерадостнымъ, подвижнымъ, активнымъ—стало новой отрадой, упоеніемъ. Умѣніе отдаться любви или жертвѣ всей душой стало чудомъ, озареніемъ.

Эта жажда подвига во что бы то ни стало вылилась въ двѣ формы: въ форму наполеонизма и въ форму христіанства.

Первые, наполеонисты, жаждали пожертвовать собой за себя самихъ, вторые—за людей, за дальнихъ, ибо у нихъ фактически и не было ближнихъ. Юноша нашего времени мѣтилъ либо въ маленькаго Наполеона, либо въ Христосика. Первые становились на точку зрѣнія анархизма, отдаленнымъ отзвукомъ отдавались въ литературѣ въ мірѣ футуристовъ; вторые пріобщались къ различнымъ религіознымъ сектамъ, становились толстовцами, баптистами, голгоѳскими христіанами и т. д. Первые жаждали выдѣлиться изъ міра, вторые—слиться съ нимъ. «Наполеонисты» желали солнцемъ блеснуть, міръ освѣтить, жизнь перевернуть—и погаснуть; они же создали всѣхъ мучениковъ творчества. «Христовцы» мечтали стать неизвѣстными, раствориться въ какомъ-либо свѣтломъ дѣлѣ, мечтали о сближеніи съ народомъ, имъ чудился новый міръ другъ другу неизвѣстныхъ и близкихъ, заранѣе дорогихъ людей,—міръ, гдѣ въ каждомъ каторжникѣ рискуешь встрѣтить Достоевскаго, въ каждомъ поручикѣ—Толстого или Гаршина, въ каждомъ бродягѣ—Горькаго. Міръ для нихъ сталъ загадочной сказкой—и имъ хотѣлось утонуть незамѣтнымъ аккордомъ въ ждомъ необъятной мелодіи. Но попрежнему не было почвы подъ ногами маленькихъ Наполеоновъ и маленькихъ Христосиковъ.

На этомъ поворотѣ встала ихъ война.

Яковъ Браунъ.

НАМЪ НУЖНО.

Наступилъ моментъ въ жизни русской интеллигенціи, когда каждое промедленіе во внутреннемъ ея строительствѣ надолго отстранитъ ее отъ участія въ управленіи страной, на что ей даетъ право все ея прошлое. Въ водоворотѣ, поднявшемся вслѣдъ за паденіемъ стараго строя, руководящее значеніе пріобрѣли части населенія, которыя успѣли сорганизоваться.

Въ буржуазныхъ кругахъ интеллигенція приглашена на привычную службу—быть выразительницей, вдохновительницей и защитницей интересовъ буржуазныхъ классовъ. Соотвѣтственно съ этимъ лица образованныя и опытныя использованы, какъ средство общественной борьбы за интересы буржуазіи, помѣстнаго дворянства и сохранившихся остатковъ стараго строя для нихъ цѣнныхъ. Эта роль «приглашенныхъ спеціалистовъ» сохраняется за интеллигенціей въ значительной степени въ рабочихъ и крестьянскихъ организаціяхъ. Какая-то, сразу незамѣтная, сторожкость чувствуется въ отношеніяхъ къ «нерабочимъ», «интеллигентамъ». И въ то же время имъ предоставляются многія отвѣтственныя должности.

Въ лучшемъ положеніи находятся тѣ работники умственнаго труда, которые принадлежатъ къ политическимъ партіямъ. Лучше всего чувствуютъ себя «кадеты».

Странное, на первый взглядъ, отношеніе демократическихъ слоевъ населенія къ трудовой интеллигенціи вполнѣ логично и послѣдовательно, если припомнить характеристику «умственныхъ работниковъ», даваемую нѣкоторыми идеологами революціонныхъ партій, какъ напр. соціалъ-демократомъ А. Г. Вольскимъ. Въ трудѣ своемъ, «Умственный рабочій» авторъ такъ отзывается объ интеллигенціи, подъ которой понимаетъ всѣхъ лицъ, заработокъ которыхъ создается продажей ими своихъ знаній и интеллектуальной работы, а не физическимъ трудомъ:

«Наша задача объявить нападеніе на общественную силу, тщательно скрывающуюся въ соціалистическомъ движеніи, для которой примиреніе съ существующимъ строемъ является не ошибкою, а естественнымъ интересомъ, неотвратимымъ стре-

мленіемъ. Сила эта—образованное общество въ его новѣйшей формаціи, растущая армія умственныхъ работниковъ, интеллигенція, впитывающая въ себя съ прогрессомъ цивилизаціи средніе слои общества, мелкихъ капиталистическихъ собственниковъ, армія привилегированныхъ наемниковъ капитала и капиталистическаго государства, находящаяся въ антагонизмѣ съ послѣдними при продажѣ имъ своихъ знаній, выступающая поэтому въ извѣстный моментъ своей борьбы, какъ часть антикапиталистической пролетарской арміи, какъ соціалистическій отрядъ» (стр. 7). И дальше (стр. 10): «Лишь съ экспропріаціей современнаго образованнаго общества,—поясняетъ тотъ-же авторъ,—падаютъ устои вѣкового грабежа и неволи рабочихъ массъ». Борьбу интеллигенціи съ самодержавіемъ, участіе въ ней революціоннаго студенчества тотъ же авторъ оцѣниваетъ въ слѣдующихъ лестныхъ и глубоко проникновенныхъ словахъ: «Вѣдь не эксплуатація незначительныхъ рабочихъ батальоновъ, студентами для завоеванія университетской свободы и задача соціалъ-демократіи».

Это жуткое заявленіе, за которымъ слѣдуетъ безпощадный призывъ къ уничтоженію интеллигенціи, къ сожалѣнію, не можетъ считаться единичнымъ мнѣніемъ оторвавшагося отъ жизни подпольнаго партійнаго работника, а можетъ быть, лишь съ большимъ цинизмомъ, чѣмъ это дѣлается обычно, характеризуетъ отношеніе правящихъ круговъ большевизма.

Позвольте процитировать послѣднюю заключительную фразу, которой, эффектно заканчиваетъ свой двухтомный трудъ г-нъ Вольскій: «Организація, служащая реальнымъ интересамъ рабочаго, можетъ быть создана лишь тогда, когда изъ движенія будетъ исключена обуздывающая его сила—интересъ «умственнаго рабочаго», когда пролетарское движеніе будетъ провозглашено, какъ борьба съ буржуазнымъ строемъ, съ господствующимъ образованнымъ обществомъ» (стр. 110).

Призывъ къ уничтоженію, къ борьбѣ съ носителями этой обидной, въ устахъ автора, клички «умственный работникъ» звучитъ и теперь, въ тревожное время предвзятаго недовѣрія ко всѣмъ не физическимъ рабочимъ, когда разгораются страсти и своимъ пламенемъ и чадомъ затмеваютъ ровный свѣтъ разума. Не является ли огромной общественной опасностью подорвать довѣріе къ тому классу общества, который является единствен-

нымъ профессіональнымъ носителемъ всей многовѣковой культуры человѣчества. Не повлечетъ ли этотъ призывъ за собою катастрофу и торжество безграмотности и безцѣльное повтореніе многократно пережитыхъ человѣчествомъ въ прошломъ ошибокъ, особенно при тѣхъ демагогическихъ пріемахъ, которые все чаще стали допускаться безотвѣтственными уличными ораторами и трескучими глашатаями такъ легко понимаемыхъ слушателями псевдонаучныхъ истинъ, цитированнаго мною г-на Вольскаго, или т. Ленина съ его усердными послѣдователями.

Если война призвала къ отправленію необходимой государству работы почти весь наличный составъ работниковъ умственнаго труда, спеціализировавшихся въ техникѣ инженернаго искусства, въ медицинѣ и въ военномъ дѣлѣ, то революція призвала подъ свои красныя знамена остальныхъ, предъявивъ къ нимъ почти невыполнимыя требованія—въ пылу страсти и борьбы создать новый государственный строй на началахъ и въ масштабѣ, еще міру невѣдомыхъ. И всѣ работники умственнаго труда—юристы, агрономы, кооператоры, ученые, учащаяся молодежь и другіе пошли сами, не требуя никакого вознагражденія за свою напряженную страшную работу, не считаясь ни съ рангомъ, ни съ положеніемъ въ обществѣ, не отказываясь ни отъ какого дѣла, разъ оно нужно.

Въ этотъ моментъ интеллигенція, и по природѣ своей двойственная, рѣзко раздѣлилась, какъ раздѣлились, при обострившейся борьбѣ трудящихся классовъ населенія съ классами, получающими нетрудовой доходъ, крестьянство—на помѣстное и малоземельное, какъ мелкая буржуазія—на обогащенную и разоренную войною, и пошла, какъ и они, къ разнымъ полюсамъ общественно-политической жизни.

Трудовая интеллигенція всю жизнь обслуживала общественныя нужды, въ напряженной неравной борьбѣ выковывая формы общественной жизни.

Въ этой работѣ забывались личные интересы работниковъ умственнаго труда. Студенчество отбывало свою общественную повинность со всѣмъ пыломъ юности, уходя въ партійную и общественную работу, голодая, надрывая силы въ бѣготнѣ по урокамъ за грошевое вознагражденіе и впопыхахъ сдавая экзамены. Сельская интеллигенція, рискуя потерять единствен-

ный неизмѣнно малый кусокъ хлѣба, беззавѣтно работала въ толщѣ крестьянства, утоляя его духовный и физическій голодъ, являясь учителемъ, врачомъ, акушеркой и защитникомъ крестьянъ передъ властями. Въ городахъ упорной работой городской интеллигенціи домовладѣльческія думы понуждались дать возможность ей обслуживать городскую бѣдноту, бѣженцевъ, увѣчныхъ и раненыхъ. Воистину не отъ щедротъ своихъ давала трудовая интеллигенція свою лепту народу, а отдавая ему безъ остатка всѣ силы и средства, которыя должны были итти на личную жизнь.

Оглядываясь на недавнее прошлое русской интеллигенціи, на годы общественнаго труда, страданій, ссылокъ, безпрестанной борьбы въ защиту человѣческихъ правъ безгласнаго трудящагося люда, мы можемъ утверждать и теперь, что нельзя безъ ущерба для другихъ трудовыхъ слоевъ населенія—рабочихъ, крестьянскихъ,—разрушить сложившееся взаимное тяготѣніе къ соціалистически настроенной демократической интеллигенціи. Но теперь, когда такъ обострилась классовая борьба, когда на насъ клевещутъ и стремятся грубыми пріемами демагогіи оттолкнуть отъ насъ трудовую Россію, мы, работники умственнаго труда, въ правѣ, даже обязаны, заняться нашими нуждами, организоваться и потребовать принадлежащее намъ по праву почетное мѣсто въ государственномъ строительствѣ и управленіи.

Если рабочіе, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, предъявляютъ требованія объ увеличеніи заработной платы, улучшеніи условій труда, обезпеченіи на случай несчастья, болѣзни, старости, пенсіи семьѣ—то развѣ не имѣютъ право требовать того же мелкіе чиновники, служащіе въ частныхъ предпріятіяхъ, корреспонденты, техники, наконецъ, лица свободной профессіи, заработокъ которыхъ въ гораздо меньшей степени поспѣвалъ за дороговизной и даже абсолютно бывалъ меньше заработка хорошаго рабочаго, опускаясь иногда отъ 80 до 150 руб. въ мѣсяцъ на цѣлую семью, въ которой почти всегда есть учащіяся дѣти, есть женщины, не имѣющія приложенія своему труду.

Нищенская пенсія, да и то не въ каждой отрасли интеллигентнаго труда, отсутствіе вознагражденія за профессіональныя заболѣванія (потеря зрѣнія, малокровіе, чахотка и пр.), отсут-

ствіе врачебной помощи, беззащитность съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства для служащихъ и совершенная необезпеченность лицъ свободной профессіи, особенно рѣзко сказывающаяся у артистовъ, художниковъ, адвокатовъ, журналистовъ и пр. Въ случаѣ болѣзни, призыва на военную службу они должны и сами оставаться безъ средствъ и оставлять семью на благотворительную, нерегулярную, невольно-слабую помощь своихъ сотоварищей.

Наша задача—исправить создавшееся положеніе, объединиться, насколько позволяютъ техническія препятствія—раздробленность, отсутствіе механическаго объединенія, (какое есть у рабочихъ на фабрикахъ, гдѣ работа въ одномъ помѣщеніи соединяетъ большія однородныя массы) и трудность объединенія людей, привыкшихъ къ самостоятельности, индивидуализировавшихъ свою жизнь, свои убѣжденія, не привыкшихъ къ дисциплинѣ. Несмотря на эти препятствія, надо спѣшно и энергично взяться за организацію, безъ которой вся интеллигенція распылится, разсѣется между двумя борющимися могучими силами—буржуазіей и пролетаріатомъ, каждый изъ которыхъ беретъ у интеллигенціи наиболѣе цѣнныхъ общественныхъ работниковъ, которыхъ нельзя заставить праздно сидѣть въ ожиданіи возникновенія профессіональной, классовой организаціи работниковъ умственнаго труда.

Прежде чѣмъ рисовать планъ такой организаціи, попытаемся отвѣтить на слѣдующій вопросъ: есть ли у группъ работниковъ умственнаго труда, объединенныхъ однимъ признакомъ—общей профессіей—интересы, которые могутъ быть защищены только профессіональной организаціей, достаточно сильной и авторитетной, чтобы отстоять ихъ и въ законодательныхъ и мѣстныхъ органахъ и въ политической ситуаціи страны.

Вмѣсто отвѣта позвольте сослаться на ранѣе высказанныя мною соображенія и добавить, какъ примѣръ, что уже существующія профессіональныя организаціи, какъ Пироговское о-во врачей, отдѣльные союзы журналистовъ, инженеровъ, банковскихъ, торговыхъ служащихъ, артистовъ и пр., и созданные въ силу закона совѣты присяжныхъ повѣренныхъ-представляютъ собою зачаточныя формы большихъ организацій.

Развѣ такой могучій союзъ, какъ Пироговское общество, не могъ бы напримѣръ, оборудовать по послѣднему слову

техники собственное производство медикаментовъ и вступить, на благо всей Россіи, въ борьбу съ фальсификаціей, «патентованными средствами», которыми отравляютъ половину Россіи ловкіе предприниматели? Развѣ не могъ бы онъ заставить продавцовъ понизить цѣны на многіе продукты?

Какъ легко было бы создать при такомъ союзѣ, всегда находящемся въ живомъ общеніи со всѣмъ врачебнымъ персоналомъ Россіи, авторитетномъ выступать отъ имени медицинской науки,—комиссію законодательной иниціативы по всѣмъ вопросамъ санитаріи, борьбы съ эпидеміями, улучшенія санитарныхъ условій труда на фабрикахъ и въ мастерскихъ, и по вопросамъ, близкимъ самимъ врачамъ и младшему медицинскому персоналу.

Но сила подобнаго союза—не въ той или иной партійной окраскѣ демократически и соціалистически настроенныхъ представительныхъ его элементовъ, а въ ихъ безпартійности, какъ представителей, въ одинаковой близости ко всѣмъ многочисленнымъ политическимъ направленіямъ, представителями коихъ является демократическая часть работниковъ умственнаго труда; онъ можетъ, этотъ представитель, лично быть какой-угодно партіи, но самъ союзъ, какъ цѣлое—и онъ, какъ выполняющій его директивы, голосуя и участвуя въ проведеніи мѣропріятій, интересующихъ союзъ—долженъ быть надъ партіями, выше ихъ. Только въ этомъ случаѣ силенъ профессіональный союзъ.

Для лицъ «свободныхъ профессій»—особенно легко указать реальныя задачи, стоящія передъ такимъ союзомъ.

Артисты, имѣя свое профессіональное театральное общество, далеко не всѣ имъ объединены. Да и дѣятельность о-ва отнюдь не претендуетъ на исчерпывающую всѣ нужды профессіи программу. Представляется вполнѣ возможнымъ углубить и расширить его дѣятельность, обратить вниманіе на совершенно незатронутыя области, какъ, напримѣръ: обезпеченіе артистовъ и ихъ семей на случай безработицы, несчастія; предоставленіе дѣтямъ артистовъ возможности «осѣдлаго» образа жизни въ пансіонахъ, хорошо поставленнаго преподаванія, заботливаго ухода за маленькими дѣтьми, спеціально артистическаго образованія подъ руководствомъ избранныхъ для этого заслуженныхъ дѣятелей искусства; призрѣніе старости.

обезпеченіе авторскихъ правъ, содѣйствіе развитію молодыхъ талантовъ, и пр. и пр.

Адвокатура, въ силу закона составляющая корпорацію съ сословнымъ выборнымъ совѣтомъ во главѣ, могла бы превосходно использовать такую профессіональную организацію не только для завоеванія политической борьбой лучшихъ условій для своей дѣятельности, не только для устраненія законодательнымъ путемъ замѣченныхъ уже давно дефектовъ дѣйствующаго права, особенно процессуальнаго (напримѣръ, добиться участія адвокатуры при предварительномъ слѣдствіи по дѣламъ своихъ кліентовъ, участія представителей сословія въ хозяйственносудебныхъ дѣлахъ, при разборѣ адвокатскихъ дисциплинарныхъ дѣлъ въ присутствіяхъ судебныхъ палатъ, улучшенія правового положенія стажіеровъ и пр.), но и для разрѣшенія чисто профессіональныхъ задачъ: образованія справочныхъ отдѣленій при всѣхъ судахъ для исполненія ими отдѣльныхъ спеціальныхъ порученій, на которыя теперь приходится такъ много тратить времени и средствъ и адвокатамъ и публикѣ, и наведенія справокъ, необходимыхъ и другимъ заинтересованнымъ лицамъ.

А разрѣшеніе спорныхъ случаевъ оплаты труда адвокатовъ, выработка мѣстныхъ нормъ оплаты, къ свѣдѣнію и руководству и адвокатовъ и кліентовъ и пр.

Не будемъ утомлять вниманія читателя безконечными примѣрами. Неправда ли, если продумать каждую профессію работниковъ умственнаго труда и ея нужды, то у каждаго появится цѣлая вереница мыслей, новыхъ заданій и желаній, осуществить которыя сможетъ только профессіональный союзъ.

Но мало указать на важность профессіональныхъ союзовъ. Тѣ же нужды, которыя дѣлаютъ эти союзы жизненною необходимостью для въ него входящихъ—часто не укладываются въ рамки одного профессіональнаго союза. Такъ—возвращаясь ко взятымъ нами примѣрамъ—мы можемъ указать на общность интересовъ по цѣлому ряду вопросовъ у врачей, фельдшеровъ, фармацевтовъ, дантистовъ и другихъ, къ медицинѣ причастныхъ лицъ или у артистовъ театровъ и артистовъ цирка, экрана; ихъ нужды иногда противоположны, иногда, наоборотъ, выигрываютъ отъ совмѣстнаго ихъ разрѣшенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это нужно, разрѣшитъ возникшій вопросъ

и дѣйствуетъ самостоятельно профессіональный союзъ, въ остальныхъ—совмѣстно съ заинтересованными союзами и лицами.

Но, продолжая ту же мысль, нельзя не признать, что исчерпывающее разрѣшеніе очень многихъ принципіальныхъ вопросовъ выходитъ столь далеко за рамки профессіональнаго союза, что представляетъ общій интересъ для всѣхъ работниковъ умственнаго труда.

И не только негативная работа—борьбы съ лозунгами, подобными приведеннымъ нами выше—представляетъ очередную задачу, общую всѣмъ намъ. Не только законное желаніе занять по праву *наше* мѣсто въ радостной работѣ по созиданію новой Россіи, и «захватъ власти» въ доляхъ, опредѣленныхъ нашей реальной цѣнностью, но и многое другое, что такъ сразу не приходитъ апріорно въ голову, несомнѣнно поставить жизнь какъ задачу для такого универсальнаго объединенія работниковъ умственнаго труда.

Между разрозненными, несвязанными другъ съ другомъ никакими союзами работниками умственнаго труда, надо проложить тотъ мостъ, который свяжетъ ихъ въ органическое цѣлое, пробудитъ живой интересъ и дастъ реальную возможность объединиться въ профессіональные союзы или выступить на защиту обще-интеллигентскихъ интересовъ, какъ членамъ единой могучей организаціи. Существующіе уже союзы, силой давленія извнѣ, окрѣпнутъ и увеличатся и въ числѣ объединенныхъ ими членовъ и въ количествѣ своемъ. Однородные же по своимъ интересамъ, но до сего времени разобщенные, отдѣльные существующіе союзы, сохраняя всѣ особенности своихъ организацій неприкосновенными, могутъ легко и быстро объединиться, имѣя готовый центръ— гдѣ всѣ они явятся равноправными членами. И то, что представлялось непосильной работой для каждаго отдѣльнаго союза, легко и просто можетъ быть осуществлено такой центральной организаціей. А многія тренія, неизбѣжныя въ работѣ, многія разногласія, какъ между отдѣльными организаціями и союзами, такъ и работниками умственнаго труда, могутъ быть безболѣзненно и авторитетно разрѣшены спеціальнымъ органомъ при центр. организаціи, товарищескому слову котораго можно будетъ вѣрить.

Остается одинъ вопросъ, на который надлежало бы дать

исчерпывающій отвѣтъ,—имѣютъ ли работники умственнаго труда свои спеціально классовые интересы, т.-е. являются ли они классомъ, особымъ отъ пролетаріата, (съ которымъ ихъ связываетъ прошлое русской интеллигенціи и общность враждебнаго отношенія къ эксплуатаціи капиталомъ духовныхъ силъ, творчества и насилію надъ убѣжденіями, которыя отталкиваютъ демократическій элементъ работниковъ умственнаго труда къ пролетарскому полюсу,) или правильно утвержденіе ортодоксальнаго марксизма, что интеллигенція есть прослойка, примыкающая частью къ буржуазнымъ классамъ, частью къ пролетарскимъ, имѣющая свои особые интересы, требующая своей защиты, но не представляющей собою класса.

Вопросъ этотъ весьма сложный, теоретическій, требуетъ спеціальнаго обсужденія, которое мы и откладываемъ до слѣдующей статьи.

А пока что несомнѣнна наличность жизненныхъ интересовъ, общихъ всѣмъ работникамъ умственнаго труда, настоятельно требующихъ ихъ защиты. Общее же положеніе страны, при которомъ сильны лишь тѣ, кто компактно сорганизовался на почвѣ правильно понятыхъ общихъ интересовъ, зоветъ насъ къ скорѣйшему созданію лиги работниковъ умственнаго труда.

Скоро должны вернуться массы работниковъ съ войны и занятыхъ сейчасъ обслуживаніемъ арміи въ тылу. Мѣста ихъ могутъ оказаться занятыми, интересы незащищенными. Никто о нихъ не позаботился и люди, оставившіе свою профессіональную работу для защиты родины, почувствуютъ, что ихъ забыли, что имъ придется вразбродъ и наощупь вновь создавать себѣ свою личную жизнь. Только профессіональная организація работниковъ умственнаго труда можетъ и должна озаботиться созданіемъ тѣхъ формъ, при которыхъ вернувшіеся наши товарищи смогутъ спокойно приняться за обще-полезную работу, чувствуя себя частью великаго цѣлаго. Это нашъ долгъ, этого требуютъ и наши интересы и интересы страны въ цѣломъ.

Рафаэль Агабабовъ.

О ПРОФЕССІОНАЛЬНОМЪ ОФИЦЕРСКОМЪ СОЮЗѢ.

Переворотъ, поднявшій всѣ массы и развѣнчавшій царя и прежнее правительство, несомнѣнно всколебалъ и авторитетъ не только прежнихъ властей, но и всѣ олицетворявшія ихъ корпораціи. Это революціонное сомнѣніе и недовѣріе особенно жестоко сказалось по отношенію къ офицерскому корпусу. Подъ натискомъ этого нажима снизу въ офицерской средѣ возникло естественное стремленіе одновременно и сорганизоваться въ одно цѣлое, и найти способъ къ возстановленію своего, повидимому, утраченнаго авторитета. Эти два жгучихъ вопроса, выдвинутые на очередь современнымъ моментомъ, именно вопросъ о возстановленіи поколебленнаго авторитета офицера у солдатъ и стремленіе офицеровъ сорганизоваться въ групповые профессіональные союзы и послѣдовательно въ единый союзъ офицеровъ арміи и флота, повидимому разнородные, имѣютъ, такимъ образомъ, между собою тѣсную, неразрывную, органическую связь. Однако уже на первыхъ порахъ стремленіе офицеровъ къ обособленной классовой организаціи встрѣтили нѣкоторое сопротивленіе. Многіе стали увѣрять, что объединеніе офицеровъ поведетъ къ ихъ отчужденію отъ солдатъ, что офицеръ долженъ не обособляться отъ солдатъ, а соединиться съ ними въ одно неразрывное, единое тѣло.

Эти выводы предполагаютъ посылку, что солдатъ и офицеръ и даже генералъ по своему служебному существу одно и то же лицо, имѣющее одну и ту же сущность, созданное для одной и той же функціи. Но несомнѣнно служебная сущность и назначеніе офицера и солдата имѣютъ свое обособленное основаніе. Если солдатъ является представителемъ преимущественно физической силы арміи, непосредственной механической работы, то офицеръ является руководителемъ, распорядителемъ не только ея физическаго, но и ея духовнаго распорядка и посему трудъ офицера есть трудъ интеллигентный, духовный; отсюда: что нерѣдко безусловно требуется отъ солдата, то часто несущественно для офицера и наоборотъ. Отсюда: если офицеры хотятъ возстановить свой престижъ, то они должны прежде всего выяснить себѣ ту цѣль, для которой они созданы, и удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ нимъ, какъ къ созидателямъ духовной мощи арміи и представителямъ ея интеллигентнаго начала. Достигнуть же высоты этой цѣли возможно, только объединившись всѣмъ офицерамъ въ профессіональный союзъ, кото-

рый, съ одной стороны, обезпечитъ имъ возможность этого путемъ ихъ экономическаго и политическаго раскрѣпощенія, а съ другой стороны дастъ возможность дружными усиліями поставить на должную высоту духовное лицо офицера.

Дѣйствительно, коснемся отдѣльныхъ элементовъ, создающихъ авторитетъ, вглядимся въ тѣ основанія, которыя хотя бы въ данный моментъ могли возстановить его въ глазахъ солдатъ.

Многіе видятъ поднятіе престижа офицера въ его сближеніи съ солдатомъ, въ установленіи вмѣсто начальническихъ отношеній близкаго товарищества. Русскій человѣкъ—демократъ по своей натурѣ и можно сказать, что въ данномъ смыслѣ естественнаго разъединенія офицера и солдатъ у насъ не было никогда. Общая походная жизнь рука объ руку всѣхъ бойцовъ данной части, и начальниковъ и подчиненныхъ, при нашей русской простотѣ всегда сливала всѣхъ военныхъ въ одну общую семью. Правда, прежній режимъ искусственно стремился изолировать офицера отъ солдата, отстранить ихъ другъ отъ друга тѣми полицейскими мѣрами, которыми были проникнуты всѣ дѣйствія прежняго правительства. Но теперь этихъ перегородокъ уже нѣтъ и можно скорѣе говорить не о сліяніи офицеровъ съ солдатами, а о томъ, какъ сдѣлать, чтобы офицеръ сумѣлъ при товарищескихъ отношеніяхъ со своими подчиненными сохранить авторитетъ и достоинство старшаго, безъ чего не можетъ быть въ арміи никакого руководительства частью, никакого крѣпкаго командованія ея боевой работой.

Выработка, выясненіе и поддержаніе этихъ новыхъ по формѣ, но древнихъ по духу для насъ, русскихъ, традицій товарищескихъ отношеній всѣхъ соратниковъ можетъ получить свое полное развитіе только при помощи классовой организаціи офицерства въ образѣ профессіональнаго союза.

Но, разумѣется, всуе мы говорили бы объ авторитетѣ офицера, если бы послѣдній явился по своему внутреннему содержанію тѣмъ же солдатомъ, съ тѣмъ же уровнемъ знаній, какъ его младшій товарищъ. Офицеръ—интеллектъ арміи, онъ долженъ быть таковымъ на самомъ дѣлѣ. Въ количественномъ отношеніи знаній, онъ долженъ быть болѣе свѣдущимъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ является руководителемъ. Тѣмъ болѣе онъ долженъ быть подготовленъ съ точки зрѣнія военныхъ знаній въ качественномъ отношеніи, т.-е. въ пониманіи основъ и принциповъ своего боевого дѣла. Мы знаемъ, что послѣ японской войны было предпринято очень много шаговъ къ улучшенію и количества и главнымъ образомъ качества офицерскихъ знаній, но мы видимъ, однако, что даже у кадровыхъ офицеровъ такіе, въ высшей степени строго научные уставы, какъ строевой и полевой, оставались въ своихъ главнѣйшихъ частяхъ весьма и весьма нерѣдко непонятыми, а еще чаще пренебрегаемыми, несмотря на полное усвоеніе ихъ лучшими представителями строевого офицерства.

Правда, усвоеніе уставовъ этими послѣдними оставалось такъ сказать для себя или въ лучшемъ случаѣ для небольшой группы офицеровъ командуемой ими части. Другое дѣло было бы при наличности офицерскаго профессіональнаго союза,—тогда пониманіе уставовъ лучшими представителями строевого офицерства не оставалось бы лежать подъ спудомъ. Участіе въ бесѣдахъ и лекціяхъ союза сдѣлало бы эти пониманія, эти знанія общимъ достояніемъ, ферментомъ для перевоспитанія всѣхъ лицъ, являющихся составными частями одной профессіи. То же самое мы можемъ сказать и въ отношеніи прочихъ военныхъ знаній и про боевой опытъ и про впечатлѣнія боевой жизни и дѣятельности. Цѣнные указатели для военнаго дѣла эти элементы въ нашъ вѣкъ быстраго прогресса должны безъ промедленія сообщаться всѣмъ членамъ офицерскаго класса, дабы быстро поднимать всѣ его составныя единицы до уровня пониманія и знаній какъ теоріи, основанной на прежнемъ боевомъ опытѣ, такъ и новѣйшей боевой практики. Все это возможно лишь при наличности профессіональнаго союза.

Только постоянное взаимодѣйствіе и разработка знаній въ профессіональномъ союзѣ можетъ доставить офицерамъ способъ при помощи лекцій какъ сторонникъ лекторовъ, такъ, въ особенности, своихъ сотоварищей, бесѣдъ, диспутовъ и сообщеній непосредственныхъ участниковъ боевой дѣятельности, подать помощь отдѣльному офицеру въ пріобрѣтеніи совокупности знаній, безъ которыхъ никогда голосъ офицера не будетъ у солдатъ голосомъ компетентнаго руководителя, въ лицѣ котораго солдаты могли бы почувствовать не только начальника случайно надъ ними поставленнаго, но и военнаго интеллигента, призваннаго выполнять свое дѣло начальника во имя превосходства въ знаніяхъ и пониманіи своей профессіи.

Всегда считалось, что личный примѣръ въ исполненіи долга со стороны офицера есть необходимое условіе для поддержанія престижа его въ глазахъ солдатъ. Дѣйствительно, непосредственное исполненіе своего долга начальникомъ всегда имѣло громадное вліяніе на пріобрѣтеніе имъ, какъ говорили, популярности у подчиненныхъ. Теперь популярность уже стала непремѣннымъ требованіемъ со стороны солдатъ къ своимъ офицерамъ. Наше счастье, что въ исполненіи боевого долга офицеры наши несомнѣнно дѣлали все, что только было въ силахъ человѣческой природы. Уже японская война дала отношеніе убитыхъ и раненыхъ офицеровъ къ общему числу ихъ, превышающее таковое же для солдатъ. Уже одно это несомнѣнно показываетъ, что офицеры въ данномъ отношеніи служили личнымъ примѣромъ для подчиненныхъ. Послѣдняя война не понизила этого отношенія, что же касается кадровыхъ офицеровъ, то почти всѣ они выбыли изъ строя убитыми, ранеными

или изувѣченными. Вотъ почему мнѣ кажется, что въ отношеніи храбрости и безъ всякаго союза офицеры находятся на высотѣ своего долга и честно исполняютъ его передъ своей родиной.

Но если это исполненіе своего боевого долга остается незамѣченнымъ, то тотъ же профессіональный союзъ можетъ своимъ авторитетнымъ словомъ его подтвердить, выявить и выяснить всѣмъ гражданамъ черезъ свои собранія, лекціи и печать.

Но кромѣ боевого долга, личной храбрости мы можемъ говорить еще о повседневномъ служебномъ долгѣ офицера и въ глазахъ подчиненныхъ исправное исполненіе этого долга также играетъ большую роль въ признаніи авторитета начальника. Мы не отрицаемъ необходимости и формальнаго аккуратнаго отношенія къ службѣ (напримѣръ: своевременныя явки на занятія, выполненіе неизбѣжной формалистики), но должны сказать, что главное, на чемъ коренится авторитетъ начальника, это—на выполненіи служебнаго долга по существу, въ такой работѣ, которая бы обезпечивала дѣйствительный успѣхъ самаго дѣла. Самъ свободный новый строй предполагаетъ непремѣнно службу, цѣль которой не отстаиваніе часовъ и формалистика, а достиженіе результатовъ (напримѣръ, хорошую постановку воспитанія бойца, стрѣлка и проч.) Для обезпеченія выполненія этого на практикѣ былой режимъ имѣлъ одинъ путь—надзоръ высшаго начальства, подкрѣплявшійся системой устрашенія и наказанія, существовавшаго для всѣхъ. Теперь этотъ полицейскій надзоръ долженъ уступить мѣсто нравственному сознанію, опирающемуся на мнѣніе всѣхъ сотоварищей данной профессіи, цѣлаго класса.

Такой надзоръ можетъ быть осуществленъ только профессіональнымъ классовымъ съ союзомъ организованнымъ судомъ чести, судомъ чести не маленькой полковой семьи, находящейся нерѣдко подъ вліяніемъ своего ближайшаго начальства, а всего класса in corpore. Въ классовой организаціи возможенъ открытый нравственный судъ какъ неисполнительности того или другого лица въ смыслѣ формальномъ, такъ и сугубо въ смыслѣ неудовлетворенія служебному долгу по существу.

При классовой организаціи будетъ совершенно немыслимъ такой, напримѣръ, случай, что завѣдомый воръ позорилъ офицерскій мундиръ, былъ проклинаемъ своими товарищами, но, благодаря поддержкѣ сверху, оставался на своемъ мѣстѣ, навлекая незаслуженный укоръ на все офицерство. Или: формалистъ, не могшій пойти дальше пониманія маршировки и равненія по фронту и въ затылокъ, душилъ всячески инициативу, всякія попытки правильнаго боевого воспитанія и развитія военнаго дѣла. Отъ такихъ лицъ и явленій своимъ коллективнымъ сло-

вомъ классовой организаціи профессіональный союзъ можетъ моментально очистить офицерскую корпорацію данной группы.

Когда разгораются страсти на митингахъ, то часто слышатся грозныя слова: офицеры не могутъ имѣть престижа у солдатъ, у офицеровъ нѣтъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій съ ихъ меньшей братьей. Эти рѣчи, эти слова — выразители того опасенія, которое имѣетъ народъ противъ всѣхъ, въ комъ онъ можетъ заподозрить враговъ добытой имъ свободы. Но солдаты, какъ мы видимъ, не спрашиваютъ политическихъ платформъ у своихъ сочленовъ, не спрашиваютъ ихъ даже рабочіе у своихъ товарищей. Разъ они составляютъ одинъ классъ, разъ сильна классовая дисциплина, они вѣрятъ тому, что всѣ составныя части пойдутъ туда, куда имъ указываетъ цѣлое. То же самое произойдетъ и съ офицерскимъ классомъ. Сколько бы ни увѣряли отдѣльные офицеры, что они будутъ охранять свободу, будутъ вѣрны новому порядку, отдѣльныхъ лицъ услышатъ немногіе солдаты и словамъ отдѣльныхъ лицъ едва ли повѣрятъ.

Если же солдаты увидятъ, что весь офицерскій классъ на дѣлѣ, а не на словахъ, какъ единое организованное цѣлое, поддерживаетъ новый порядокъ и слѣдитъ за отдѣльными своими сочленами, они будутъ совершенно спокойны, всякое подозрѣніе съ офицеровъ будетъ снято, даже больше того, наступитъ нѣкоторое безразличіе къ политическимъ убѣжденіямъ отдѣльныхъ лицъ, и организованный классъ офицеровъ, несомнѣнно, пойдетъ рука объ руку съ организованнымъ классомъ солдатъ по одному пути свободы и прогресса.

Уже эти частные вопросы настоятельно требуютъ, по нашему мнѣнію, немедленной классовой организаціи офицеровъ въ профессіональные союзы. Но это только частные вопросы, это только примѣрно выбранные нами объекты, но кромѣ этого офицерскіе профессіональные союзы могутъ преслѣдовать другія цѣли, сферу которыхъ нельзя даже приблизительно очертить и которую можно охарактеризовать единымъ словомъ цѣли интеллектуальной работы арміи, ибо офицеръ является именно представителемъ умственнаго труда боевой мощи государства.

Укрѣпляя духовную силу офицеровъ, профессіональный союзъ можетъ имѣть и цѣль экономическую, основу обезпеченія свободнаго существованія офицера-гражданина, а не раба. При помощи экономическихъ заботъ о своихъ сочленахъ, при помощи борьбы за свое экономическое благосостояніе офицеры могутъ раскрѣпостить свое лицо отъ тисковъ зависимости и давленія со стороны кого бы то ни было. Вотъ почему намъ кажется, что корни профессіональной классовой организаціи могутъ быть чисто экономическими, но вѣтви

ея непремѣнно будутъ гораздо шире своихъ корней—они властно охватятъ и покроютъ всѣ потребности духовныхъ цѣлей офицерской среды. И, повторяемъ, профессіональная офицерская организація не должна быть партійной, она можетъ включать въ себя лицъ какихъ бы то ни было убѣжденій и партій, но отвѣтствовать въ своихъ дѣлахъ она можетъ передъ всѣмъ народомъ, передъ всей арміей поручиться въ томъ, что будетъ защищать и волю ихъ и созданный ими порядокъ отъ всякаго посягательства. Профессіональная офицерская организація будетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ больше и крупнѣе она будетъ объединяться. Вотъ почему офицеры каждаго даннаго гарнизона должны сливаться въ единый союзъ, но мало этого, гарнизонные союзы при помощи делегацій должны слиться въ единый союзъ округовъ и, наконецъ, въ единый союзъ офицеровъ арміи и флота. Но, замѣтимъ себѣ, офицеры суть труженики умственнаго труда и вотъ этотъ моментъ обязываетъ ихъ соединиться при помощи делегацій съ другими аналогичными профессіональными организаціями, при помощи присоединенія къ имѣющей несомнѣнно возникнуть въ будущемъ классовой организаціи тружениковъ умственнаго труда. Тогда офицерство можетъ ввѣрить, такъ же какъ и всѣ другіе аналогичные профессіональные союзы, защиту своихъ экономическихъ интересовъ высшему классу той федераціи, цѣль которой будетъ раскрѣпощеніе интеллектуальнаго начала вообще.

Но если частный интересъ интеллектуальнаго начала обособляетъ классъ интеллигентныхъ тружениковъ отъ другихъ, то многія другія стороны обобщаютъ ихъ съ другими классами (напр. классомъ рабочихъ, крестьянъ) и офицерскій союзъ долженъ искать контакта и со всѣми другими классами при помощи обмѣна делегатами и совмѣстной работы.

Существованіе офецерскаго профессіональнаго союза отнюдь не противорѣчить существованію другихъ выборныхъ офицерскихъ организацій, имѣющихъ другія болѣе частныя узко политическія цѣли, напримѣръ, совѣты офицерскхъ депутатовъ. Послѣдніе могутъ существовать или не существовать, цѣль профессіональнаго офицерскаго союза останется неприкосновенной и самодовлѣющей.

И такъ, гг. офицеры, если вы хотите быть сильными, нравственными и независимыми, если хотите возстановить

свой престижъ въ глазахъ всѣхъ гражданъ и въ частности въ глазахъ солдатъ, то соединяйтесь въ свой профессіональный классовый союзъ и примыкайте къ классовой организаціи всѣхъ интеллектуальнымъ тружениковъ.

С. Кедринъ.

ЛИГА ИНТЕЛЛИГЕНТНАГО ТРУДА.

Организаціонная комиссія Ф. С. Р. У. Т., имѣя задачею объединеніе трудовой интеллигенціи въ цѣляхъ защиты ея классовыхъ интересовъ, никѣмъ не отстаиваемыхъ и до сихъ поръ еще даже недостаточно осознанныхъ, положила въ основу такой организаціи профессіональные союзы, представляющіе собою форму объединенія, наиболѣе полно обслуживающую классовые интересы трудовой интеллигенціи.

Къ сожалѣнію, въ нашихъ условіяхъ профессіональные союзы работниковъ умственнаго труда могутъ объединить далеко не всю массу трудовой интеллигенціи, территоріально часто сильно разбросанную и численно слабо представленную.

Эта распыленность русской трудовой интеллигенціи исключаетъ во многихъ случаяхъ возможность объединенія ея въ союзы по профессіямъ, и попытка организовать въ условіяхъ нашей провинціальной жизни профессіональные союзы приводила бы часто не къ собиранію силъ и не къ сплоченію трудовой интеллигенціи а, скорѣе къ обратному результату, къ задержкѣ такого объединенія, благодаря искусственному распредѣленію ея по отдѣльнымъ ячейкамъ, не имѣющимъ ни по своей численности, ни по своему вліянію жизненнаго значенія.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя профессіи, напр., учительская, находятся по сравненію съ другими еще въ лучшихъ условіяхъ. Учителей въ уѣздахъ значительно больше, нежели представителей другихъ профессій. Можетъ быть и въ уѣздномъ городѣ ихъ окажется столько, что создастся дѣятельное ядро союза, къ которому примкнутъ учителя изъ уѣзда. Но другія профессіи, напр., врачи находятся въ этомъ отно-

шеніи уже въ значительно худшихъ условіяхъ, а про агрономовъ, ветеринаровъ, инженеровъ, землемѣровъ и т. п. и говорить не приходится.

Но не только это, и не только въ провинціи, но и въ крупныхъ центрахъ найдется значительное число работниковъ умственнаго труда, которые по разнымъ причинамъ не вошли или, войдя въ профессіональные союзы, хотѣли бы и внѣ рамокъ союза, въ какой-нибудь другой организаціи, ставящей себѣ болѣе широкія цѣли, всѣми своими силами участвовать въ борьбѣ за раскрѣпощеніе труда и свободу личности и въ защитѣ демократической культуры и общихъ интересовъ всего трудового народа.

Такого рода стремленіямъ надо было дать планомѣрное направленіе. И вотъ, исходя изъ высказанныхъ соображеній и считая, что возникающая Ф. С. Р. У. Т., при всей жизненности своей организаціи, является формою далеко не полной мобилизаціи трудовой интеллигенціи, группа лицъ, начавшая свою работу въ организаціонной комиссіи Ф. С. Р. У. Т. взяла на себя задачу выполнить создававшійся пробѣлъ параллельною съ Ф. С. Р. У. Т. организаціею Лиги Интеллигентнаго Труда, которая дала бы каждому отдѣльному работнику умственнаго труда возможность присоединить свою силу къ силѣ, объединяющейся въ профессіональные союзы трудовой интеллигенціи, и создать въ конечномъ результатѣ такую организацію, которая не на словахъ только, а на дѣлѣ могла бы принять активное участіе и заставила бы и другія силы серьезно считаться съ собою въ дѣлѣ строительства новой жизни.

Первыми же шагами возникающей Л. И. Т. было делегированіе своихъ представителей въ Ф. С. Р. У. Т., въ Московскій совѣтъ депутатовъ трудовой интеллигенціи (М. С. Д. Т. И.) и въ нарождающійся только что Московскій совѣтъ депутатовъ служащихъ (М. С. Д. С.) въ фабричнозаводскихъ, торговопромышленныхъ и иного рода предпріятіяхъ и въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, являющійся представительнымъ органомъ союзовъ, насчитывающихъ уже свыше 300.000 членовъ.

Въ настоящее время, къ счастью, нѣтъ уже болѣе надобности доказывать пользу и необходимость объединенія;

она всѣмъ ясна; можно прямо приступать къ дѣлу, и съ этою цѣлью совѣтъ Л. И. Т. обращается къ работникамъ умственнаго труда со слѣдующимъ воззваніемъ:

ГРАЖДАНЕ!

Жизнь нашихъ дней выдвинула остро ощущаемую трудовой интеллигенціей потребность въ объединеніи.

Этой потребности лишь отчасти удовлетворяютъ возникающія объединенія профессіональныхъ союзовъ, оставляющія въ сторонѣ отъ активной дѣятельности всю массу распыленныхъ работниковъ умственнаго труда.

Съ цѣлью дать этой массѣ возможность въ процессѣ созиданія новой жизни творить совмѣстно съ промышленнымъ и земледѣльческимъ пролетаріатомъ свою коллективную волю, возникла Лига Интеллигентнаго Труда, зовущая въ свои ряды тѣхъ, кому дорого окончательное раскрѣпощеніе освобождающагося народа.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ Л. И. Т.

Л. И. Т. имѣетъ своею задачею объединеніе всѣхъ живущихъ умственнымъ творческимъ трудомъ, въ цѣляхъ раскрѣпощенія личности, путемъ классоваго самоопредѣленія и борьбы за экономическіе и соціальные интересы своего класса и культурные интересы человѣчества.

Л. И. Т. осуществляетъ свои цѣли:

1) развитіемъ и углубленіемъ классоваго самосознанія лицъ, живущихъ умственнымъ творческимъ трудомъ;

2) организаціею борьбы съ эксплуатаціею всякаго труда, откуда бы она ни исходила, всѣми средствами какъ мирными, такъ и революціонными;

3) организаціею активнаго и прямого участія трудовой интеллигенціи, какъ самостоятельнаго пролетарскаго класса, въ строительствѣ новой жизни на началахъ демократической свободы и соціальной справедливости;

4) экономическою самопомощью: стачечнымъ фондомъ, биржами труда, кооперацією и проч.;

5) культурно-просвѣтительною дѣятельностью и борьбою противъ всякихъ посягательствъ на культурное достояніе человѣчества.

Л. И. Т. какъ организація классовая—безпартійна. Въ составъ ея входятъ лица, всецѣло принимающія ея основныя положенія и обязывающіяся активно проводить ихъ въ жизни.

Совѣтъ Л. И. Т.

Бюро Л. И. Т. помѣщается въ Москвѣ, на Неглинномъ проѣздѣ, Сандуновскій переулокъ, домъ № 3, кв. № 7. Телефонъ № 2-74-75. Трамвай №№ 1, 11, 15 и 29.

Для записи членовъ и выдачи справокъ бюро открыто ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня.

Р. Э. Герлахъ.

ЭТЮДЫ О КЛАССОВОЙ ПРИРОДѢ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

III.

§ 4. Четвертой по счету возникла теорія интеллигента-приживальщика.

Въ изложеніи этой теоріи, за отсутствіемъ подъ руками необходимыхъ выписокъ, я долженъ ограничиться лишь второстепенными и неполными ея выразителями, какъ Фриче и Михайловскій.

«Въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—пишетъ Фриче,—интеллигенція просто примыкаетъ къ одному изъ существующихъ экономическихъ классовъ и, проникаясь его настроеніями и идеями, становится защитницей его интересовъ... По своему положенію члены этой интеллигенціи могутъ, разумѣется, принадлежать къ разнымъ общественнымъ группамъ. Такого типа интеллигенцію можно назвать классовой.

Бываетъ и такъ, что въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, или же собственнаго желанія, извѣстныя группы интеллигенціи, тоже разнородныя по составу, остаются, такъ сказать, по ту сторону общественныхъ классовъ, не принимая участія въ окружающей ихъ исторической жизни, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ образовать самодовлѣющую группу. Интеллигенцію такого типа можно назвать внѣклассовой.

Наконецъ, случается и такъ, что интеллигенція не желаетъ быть ни служанкою другихъ классовъ, ни самостоятельнымъ классомъ, а напротивъ хочетъ стать надъ всѣми и выше всѣхъ, какъ ихъ наставница и руководительница. Такую интеллигенцію можно назвать сверхклассовою» («Образованіе» 1904. Т. XII, стр. 94).

Въ томъ же духѣ писалъ и Михайловскій. Сравнивая Лермонтова и Аксакова, онъ говоритъ: «Аксаковъ есть интеллигенція, состоящая въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи, къ московскимъ купцамъ» (Отечеств. Записки. CCLIX, стр. 201).

Такова теорія; суть ея можно выразить въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ:

1) Интеллигенція по своей классовой природѣ такова,

какова классовая природа того слоя общества, на который она работаетъ, потребности котораго она удовлетворяетъ.

2) Ея міросозерцаніе, ея идеалы—это идеологія кормящаго ее класса; интеллигенція, выражаясь образно, носитъ какъ бы духовную ливрею того класса, съ которымъ, она связана трудовыми отношеніями.

3) Чистыхъ классовыхъ типовъ интеллигенціи можетъ быть три—буржуазная, ремесленная и пролетарская, такъ какъ въ жизни существуютъ только три основныхъ класса.

Какими бы положительными или отрицательными качествами разсматриваемая нами теорія ни обладала, все же она дѣлаетъ важный шагъ впередъ по сравненію съ предыдущими, а именно: она переноситъ, при опредѣленіи классоваго строенія и идеологіи интеллигенціи, центръ тяжести съ «выходчества» или «внѣклассовости» на фактическое положеніе, занимаемое ею въ жизни.

Въ этомъ перемѣщеніи центра — несомнѣнное достоинство теоріи «приживательства», но это достоинство совершенно парализуется неизмѣримо крупнымъ недостаткомъ самаго пониманія термина «фактическое положеніе». Въ представленіи сторонниковъ теоріи «приживательства», матеріальныя базы бытія интеллигенціи отождествляются не съ ея способами производства, чего логически слѣдовало бы ожидать, но съ матеріальными условіями жизни тѣхъ классовъ, которые пользуются ея трудомъ; отсюда получается какое-то странное впечатлѣніе «окольности», «отраженности»—интеллигенція и ея классовое строеніе и сознаніе принимаютъ цвѣтъ и окраску того, кто ее кормитъ. Фантастическое конструированіе этой теоріей какого-то тождества интересовъ господъ и рабовъ могло, пожалуй, имѣть свой raison d'être въ патріархальный періодъ жизни человѣчества, когда экономическое хозяйство напоминало своимъ строеніемъ кораловый полипнякъ, отъ котораго отдѣльные члены не отрываются, составляя съ нимъ какъ бы одно цѣлое, когда, дѣйствительно, работникъ жилъ одной жизнью съ господиномъ, ѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ, смотрѣлъ на него, какъ на отца, и, тѣсно связанный съ нимъ всѣми корнями и порами своего существованія, проникался его взглядами и интересами. Но современное хозяйство носитъ характеръ такой хищнической эксплуатаціи, что «трудъ»,

продолжая оставаться слугой капитала, не становится приверженцемъ ни дворянскихъ привилегій, ни капиталистическихъ аппетитовъ лишь оттого, что въ немъ нуждаются и его эксплуатируютъ.

Не примѣнимъ ли развѣ тотъ же ходъ разсужденій къ интеллигенціи? Очевидно, осью, вокругъ которой вращается идеологія и классовая принадлежность ея, не есть «способы производства кормильцевъ».

---

§ 5. Пятая теорія это—теорія «примыкательства». Виднѣйшимъ ея выразителемъ является Крыленко.

Отвѣчая на вопросъ «что такое интеллигенція, и какова ея сущность»,—пишетъ онъ,—«мы можемъ отвѣтить, что интеллигенція есть особая опредѣленная группа интеллектуальныхъ работниковъ, появляющаяся на опредѣленной ступени развитія и въ своей идеологіи защищающая интересы того класса, къ которому стоитъ всего ближе по своему экономическому положенію, раздѣляясь на отдѣльныя группы, сообразно групповымъ особенностямъ каждаго взятаго отдѣльно слоя».

Таковы основныя идеи «школы примыкательства».

Главная новизна писателей даннаго направленія заключается въ строгомъ различеніи матеріальнаго бытія интеллигенціи отъ матеріальнаго бытія разныхъ иныхъ производительныхъ классовъ: въ теоріи эти два бытія противопоставлены другъ другу, какъ двѣ самостоятельныхъ величины. Подобная точка зрѣнія, казалось бы, логически обязывала авторовъ строго и рѣзко расчленить двѣ сферы хозяйствъ и отвести каждому изъ нихъ особый кругъ захвата, при чемъ бытіе интеллигенціи формировало бы и ея классовое сознаніе и ея идеологію, а бытіе производительныхъ классовъ—ихъ строеніе и ихъ идеологію. Но здѣсь ясная мысль творцовъ теоріи обрывается, какой-то предразсудокъ удерживаетъ ихъ надѣлить интеллигенцію самостоятельнымъ классовымъ строеніемъ и самостоятельной, неподражательной идеологіей.

Въ самомъ важномъ мѣстѣ анализа появляются роковыя слова для теоріи: «...защищающая интересы того класса (почему не свои?), къ которому стоитъ всего ближе (при чемъ тутъ далеко или близко? Развѣ у интеллигенціи нѣтъ своего

собственнаго строенія?) по своему экономическому положенію». Я говорю роковыя, ибо они отнимаютъ всякую оформленность у теоріи, помѣщаютъ ее какъ-то между стульевъ самостоятельнаго бытія и примыкательства, разъ интеллигенція имѣетъ «свое экономическое положеніе», зачѣмъ ей защищать чужіе, хотя исходные интересы? почему ей примыкать къ другимъ классамъ, а не образовать собою самостоятельнаго цѣлаго?..

Научное значеніе теоріи примыкательства—это служить мостомъ между разновидностями классовыхъ и внѣклассовыхъ теоріи интеллигенціи. Иного значенія она имѣть не можетъ.

§ 6. Смѣшанныя теоріи интеллигенціи представляютъ собой всевозможныя комбинаціи изъ предыдущихъ теорій—внѣклассовости, выходчества, проживательства и примыкательства. Изъ множества подобныхъ теорій мы остановимся лишь на теоріи Тугана-Барановскаго, могущей служить типичнымъ образцомъ эклектизма.

«Интеллигенція,—пишетъ Туганъ-Барановскій,—не составляетъ самостоятельнаго класса. Но это не значитъ, что она лишена классоваго характера, что она выше классовъ. Не образуя класса, интеллигенція примыкаетъ къ какому-либо изъ существующихъ общественныхъ классовъ. Такъ какъ интеллигенты—люди умственнаго труда, а умственный трудъ требуетъ образованія, стоящаго въ свою очередь много денегъ, то, естественно, что интеллигентные работники выходятъ почти исключительно изъ среды имущихъ классовъ. Это крайне благопріятствуетъ тѣсной связи интеллигенціи съ названными классами. Но, съ другой стороны, трудъ интеллигентнаго работника оплачивается публикой, народной массой, въ которой неимущіе (включая сюда какъ наемныхъ рабочихъ, такъ и крестьянъ и иныхъ мелкихъ хозяевъ) численно преобладаютъ; на этой почвѣ возникаетъ экономическая связь между интеллигенціей и неимущими классами. Такимъ образомъ, интеллигенція можетъ примыкать къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ классамъ, иначе говоря, интеллигенція есть общественная группа съ неопредѣленнымъ классовымъ характеромъ; часть ея можетъ безкорыстно служить трудящемуся народу, а другая итти вмѣстѣ съ эксплуататорами. Это мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности».

Туганъ-Барановскій, какъ это нетрудно видѣть, сочетаетъ

въ своей теоріи слѣдующіе элементы: 1. *Внѣклассовость*. «Интеллигенція не составляетъ самостоятельнаго класса». 2. *Примычка*. «Интеллигенція примыкаетъ къ какому-либо существующему классу». 3. *Прижительство*. «Съ другой стороны, трудъ интеллигентнаго работника оплачивается публикой, народной массой, въ которой неимущіе... численно преобладаютъ; на этой почвѣ возникаетъ экономическая связь между интеллигенціей и неимущими классами».

---

§ 7. Основоположниками седьмой теоріи интеллигенціи—интеллигенціи, какъ класса мелкой буржуазіи, являются Каутскій и Луначарскій.

Сообразно воззрѣніямъ Каутскаго: «Интеллигенція образуетъ... новое среднее сословіе... интеллигенты работники примыкаютъ къ самымъ различнымъ классамъ и партіямъ... Большинство же ихъ оставалось до сихъ поръ въ рамкахъ мелко-буржуазнаго идейнаго горизонта; объясняется это не только тѣмъ, что большинство интеллигентовъ выходило изъ средне-мелкой буржуазіи, но и тѣмъ, что соціальное положеніе ихъ, какъ «средняго сословія» представляло собой сходное съ мелко-буржуазнымъ промежуточнымъ положеніемъ между пролетаріатомъ и господствующими классами».

Луначарскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ классовую позицію интеллигенціи: «Какъ мелкій ремесленникъ, такъ и интеллигентный пролетарій довольно легко сравнительно съ баричемъ и капиталистомъ могутъ сдѣлаться недурными соціалистами, недурными помощниками пролетаріата, но все это не мѣшаетъ тому, что они принадлежатъ къ другому классу, классу мелкой буржуазіи. Правда, они строго говоря, не собственники, но они... самостоятельные производители необщественнаго непроизводительнаго труда».

Такъ оба писателя зачисляютъ интеллигенцію въ классъ мелкихъ производителей.

Эти теоріи сдѣлали послѣдній шагъ въ сведеніи интеллигенціи съ неба на землю; онѣ обратили вниманіе на ея экономическое положеніе и на ея способы борьбы. Изъ «бытія» интеллигенціи онѣ выводятъ ея классовое положеніе и ея идеологію.

Ни одна изъ разсмотрѣнныхъ выше теорій не доходила до такой глубины пониманія.

Но и эти теоріи неправильны по существу. Онѣ пріемлемы лишь постольку, поскольку сами, не замѣчая этого, онѣ указываютъ на существованіе въ интеллигентской средѣ значительнаго (нынѣ впрочемъ падающаго) слоя интеллигентовъ—самостоятельныхъ производителей. Вообще же онѣ слишкомъ схематизируютъ жизнь, не учитывая бытія другихъ кадровъ интеллигенціи не ремесленнаго типа—интеллигентовъ-капиталистовъ, интеллигентовъ-пролетаріевъ, лишенныхъ орудій и средствъ труда. Укажу въ качествѣ примѣра хотя бы на тины издателей-предпринимателей, директоровъ-владѣльцевъ частныхъ гимназій, съ одной стороны, управляющихъ, химиковъ-инженеровъ на заводахъ—съ другой.

Л. Черный.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЕДИНЕНІЕ.

(Изъ исторіи «Союза международныхъ ассоціацій»).

Идея международнаго единенія уже давно захватила умы лучшихъ представителей человѣчества. Однако идея эта весьма медленно пробивала себѣ пути для реальнаго осуществленія. Достаточно сказать, что до 1780 г. человѣческій лексиконъ не имѣлъ даже слова для выраженія понятія «международности», и лишь въ указанномъ году слово это впервые было брошено Бентамомъ.

Великая французская революція и весь минувшій вѣкъ шли подъ знакомъ международности, и въ анналахъ 2-ой половины XIX в. мы видимъ блестящую страницу, на которой занесено рожденіе (въ 1862 г.) на Лондонской всемірной выставкѣ «международнаго общества рабочихъ»—«Интернаціонала».

Съ нынѣшняго XX вѣка международная идея расцвѣла особенно пышно на бельгійскій почвѣ, подъ животворными лучами генія многострадальнаго народа.

Настоящая замѣтка и имѣетъ своей цѣлью дать краткій очеркъ этого движенія, достигшаго своего апоѳеоза на Брюссельскомъ «міровомъ конгрессѣ» (congrès mondial) 1910 г., происходившаго во время послѣдней всемірной выставки.

***

Бельгія со времени своей политической независимости стала чуткимъ барометромъ международной жизни,—въ чемъ особенно выявились внутреннія свойства бельгійской націи, издавна тяготѣющей къ выси интернаціонализма.

При этомъ какъ нельзя лучше способствовали развитію международной идеи и естественныя условія существованія Бельгіи среди другихъ цивилизованныхъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ, географическое положеніе Бельгіи, окруженной плотнымъ кольцомъ тремя могущественными государствами съ ихъ многовѣковой культурой и въ то же время обезпеченной нейтралитетомъ, выдвинуло эту страну на степень центра самыхъ разнообразныхъ международныхъ ассоціацій.

И вотъ одно за другимъ нарождаются (гл. обр. въ Брюсселѣ) международныя общества: научныя, политическія, профессіональныя, эстетическія и пр. и пр. Незадолго до начала нынѣшней войны въ одномъ только Брюсселѣ ихъ было около 100.

Крѣпнувшія между ними связи неизбѣжно привели къ ихъ объединенію. Такъ, въ 1906 г. мы видимъ образованный ими въ Брюсселѣ исполнительный органъ «Office central des Associations Internationales», а значительный подъемъ, охватившій людей въ ожиданіи всемірной выставки, этого генеральнаго смотра проявленій человѣческаго интеллекта, далъ новую энергію объединившимся ассоціаціямъ, выразившуюся въ томъ, что къ 1908 г. ими была произведена капитальная работа по детальному обслѣдованію каждой ассоціаціи.

Въ результатѣ этой работы явился полный интереса громадный томъ (почти въ 1.400 стр. in 8⁰), въ которомъ, кромѣ статей общаго характера—о значеніи Союза, его роли etc., даны историческія свѣдѣнія о каждой ассоціаціи, очерки ихъ современнаго положенія, программы и планы... Съ такимъ богатымъ багажомъ выступили интернаціоналисты на все-

мірной выставкѣ, подъ видомъ безпримѣрнаго въ исторіи «мірового конгресса» 132 международныхъ ассоціацій.

Нижеприводимая программа конгресса и сводъ его главнѣйшихъ резолюцій могутъ дать лишь нѣкоторую (весьма слабую) характеристику всего коллектива [1]).

Согласно съ программой конгресса былъ обнародованъ рядъ теоретическихъ докладовъ, разсматривающихъ входящія въ Составъ союза международныя ассоціаціи съ точки зрѣнія соціальной, экономической etc.; сдѣланы цѣнныя предложенія объ укрѣпленіи связи между ассоціаціями (кооперація) и о наиболѣе надежныхъ средствахъ координированія ихъ дѣйствій; завершается программа весьма сложными вопросами о созданіи мірового центра жизни международныхъ ассоціацій съ его твердыми органами какъ административными (секретаріатъ, бюро), такъ и научными (лабораторіи, архивы, библіотеки etc.).

Послѣдовавшія въ связи съ докладами пренія послужили основаніемъ для ряда резолюцій, регулирующихъ жизнь международныхъ ассоціацій и открывающихъ широкія перспективы для ихъ дѣятельности.

Признано необходимымъ прежде всего сцементировать ассоціаціи строгой организаціей и кооперативными связями, чтобы жизнь ассоціацій протекала по единому мировому руслу, созданному вѣковыми усиліями лучшихъ представителей человѣчества. Только проведеніемъ въ жизнь этого постановленія, — констатируетъ конгрессъ, — дѣятели интеллектуальнаго труда будутъ въ состояніи выполнить свое призваніе — творить міровую жизнь въ соотвѣтственныхъ имъ условіяхъ какъ экономическихъ, такъ и духовныхъ. Въ связи съ этимъ

---

*) Для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ вопросомъ приглашаемъ читателей нашей замѣтки обратиться къ подлиннымъ трудамъ Союза и конгресса: 1) Annuaire de la Belgique scientifique, artistique et littéraire. Brux. 1908. XXXVI + 368 p.; 2) Annuaire de la vie internationale. Vol. I. 1908—1909. 8^0, 1370 p.; 3) Les associations internationales et l'organisation de la documentation. (Rapport au Congrès Intern. de Bibliographie et de Documentation). 1910, № 13; 4) L'Union des associations internationales. Brux. 1912. 8^0, 162 p.; 5) «La Vie Internationale». Revue mensuelle. 1912.

Б. Б.

участвовавшими на конгрессѣ ассоціаціями была высказана необходимость приложить всѣ усилія и къ тому, чтобы выявить maximum интеллектуальныхъ цѣнностей, которыя должны быть брошены въ міръ для поддержанія въ немъ пламени единой культурной жизни.

Отсюда постановленія конгресса о работѣ надъ повсемѣстной рецепціей выработанныхъ единыхъ методовъ какъ въ наукѣ, такъ и въ практической жизни: единая научная терминологія и символизація, децимализмъ, система мѣръ, тарифы, календарь и пр. и пр.

Таковы главнѣйшія desiderata конгресса международных ассоціацій.

И до и послѣ конгресса много усилій было сдѣлано въ этомъ отношеніи вдохновителями идеи международнаго единенія. Особенно почетная роль выпала на долю бельгійскихъ дѣятелей союза, которые къ прежнимъ трудамъ, почти накануѣ войны, присоединили цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ научныхъ произведеній: въ видѣ литературныхъ сборниковъ, монографій, а также замѣчательнаго періодическаго органа «La Vie Internationale».

Въ этомъ перечнѣ не долженъ быть забытъ «Международный Библіографическій Институтъ», положившій на алтарь международной идеи многолѣтніе труды: библіографію всемірной литературы съ 11-милліоннымъ карточнымъ репертуаромъ описанія произведеній человѣческаго духа. Къ Институту примыкаютъ международные органы иконографіи и документаціи съ ихъ музеями и библіотекой.

Благодаря настойчивой пропагандѣ Международнаго Института, былъ, наконецъ, близокъ къ осуществленію и «міровой дворецъ» (palais mondial) международныхъ ассоціацій (чудо искусства), гдѣ должны были найти себѣ постоянное и почетное мѣсто представители всѣхъ ассоціацій міра. При участіи лучшихъ архитекторовъ и меценатовъ былъ во всѣхъ деталяхъ разработанъ проектъ «дворца», для котораго, по постановленію конгресса, было опредѣлено и мѣсто въ «міровомъ центрѣ» (centre mondial)—Брюсселѣ...

Вспыхнувшая братоубійственная брань пресѣкла всѣ начинанія.

Замолкъ «centre mondial», ставшій ареной кровавой борьбы;

замолкли голоса дѣйствовавшихъ въ немъ ассоціацій; замолкъ проектъ мірового дворца...

Нельзя не вѣрить, что, очнувшись отъ психоза, человѣчество съ еще большей силой будетъ реагировать на необходимость продолженія работы по рѣшенію великой международной проблемы. И вновь въ свободномъ и тогда уже поистинѣ нейтральномъ Брюсселѣ засіяетъ международная душа интеллектуальныхъ ассоціацій міра.

Пусть хоть послѣ кровавыхъ бурь XX вѣка человѣчество пойметъ, что для исцѣленія всѣхъ его недуговъ у него есть единственный путь—путь, ведущій къ братскому единенію.

Богд. Боднарскій.

НЕСМѢНЯЕМОСТЬ СУДЕЙ.

Разрушительная сила революціи свергла всѣ старые устои и скрѣпы жизни. Она въ своей разрушительной работѣ подчасъ обнажаетъ подлинную сущность многихъ идей и лозунговъ, выставляя ихъ устарѣлость и нежизненность.

Творческій духъ революціи, въ процессѣ движенія впередъ, выявляетъ въ жизни все больше и больше созидательныхъ силъ, которыя, переоцѣнивая старые идеи и лозунги, ставятъ на ихъ мѣсто новые.

Истинный творческій духъ революціи идетъ изъ жизни и въ жизнь, и въ этомъ творчествѣ нѣтъ ничего надуманнаго, нарочнаго, помимо жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста натяжкамъ и передержкамъ. Но этотъ творческій духъ не только создаетъ новое, но еще ярче подчеркиваетъ жизненность и необходимость тѣхъ немногихъ началъ, которыя существовали до революціи и которыя, благодаря своей жизненности, сумѣли выдержать натискъ темныхъ силъ стараго порядка.

Одними изъ такихъ началъ, дошедшихъ до насъ въ видѣ свѣтлыхъ страницъ въ мрачной книгѣ жизни рухнувшаго самовластія, являются основныя начала истиннаго правосудія, тѣ начала, которыя какъ краеугольные камни и незыблемые устои были положены въ основу Судебныхъ Уставовъ и которыя должны были въ жизни создать тѣ условія, благодаря коимъ правосудіе могло подняться на подобающую ему высоту и судъ

изъ застѣнка превратиться въ судъ. Судебные Уставы въ своемъ чистомъ видѣ воплотили въ себѣ чаянія многихъ стремившихся къ свѣту и свободѣ поколѣній и являлись одной изъ яркихъ звѣздъ на темномъ фонѣ безправія самодержавнаго строя.

На ряду съ великими догматами гласности суда, суда присяжныхъ, отдѣленія суда отъ администраціи и др. въ основу Судебныхъ Уставовъ было положено начало несмѣняемости судей.

Статья 243-я Учрежд. Судебн. Устан. ясно и категорически говоритъ о несмѣняемости судей. Составители Уставовъ сопровождаютъ эту статью слѣдующими краткими, но исчерпывающими всю сущность принципа несмѣняемости, объясненіями и мотивами: «Самостоятельность судей, избранныхъ съ осмотрительностью, есть, безъ сомнѣнія, одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ совершеніи правосудія... Дѣла судебнаго вѣдомства касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоянія; въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы, или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, лица сильныя по своему положенію въ обществѣ: поэтому судьи должны быть поставлены въ положеніе окольможно болѣе независимое: для достиженія сей цѣли и поставлена настоящая статья» (Журналъ 1862 г., № 65, стр. 334 и 335).

Дѣятельность судьи есть особаго рода дѣятельность. Она должна быть по существу своему совершенно свободна отъ какихъ бы то ни было вліяній и давленій. Судья долженъ быть совершенно автономенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Его судейская совѣсть должна оставаться всегда свободною отъ какихъ-либо могущихъ оказать на нее вліяній—политическаго, религіознаго, національнаго или иного характера. Судья долженъ быть судьею, а не чиновникомъ по судебной части. Все это обезпечивается и достигается его несмѣняемостью, гарантирующею независимость суда отъ кого бы то ни было. Несмѣняемый судья одинъ лишь можетъ честно и смѣло примѣнять законъ, равный для всѣхъ. Лишь этотъ принципъ несмѣняемости, проведенный съ достаточной полнотою и опредѣленностью, создастъ въ жизни тотъ авторитетъ суда, который является необходимѣйшимъ условіемъ существованія правосудія.

Лучшимъ аттестатомъ для начала несмѣняемости судей является то обстоятельство, что въ теченіе полувѣкового существованія своего это начало подвергалось не одинъ разъ натиску со стороны слугъ стараго порядка. Не проходило сколько-нибудь длительнаго періода времени, чтобы не дѣлались попытки такъ или иначе обезцвѣтить и ослабить этотъ принципъ для проведенія тѣхъ или иныхъ видовъ правительства. Но, несмотря на безчисленное количество новеллъ, которыя облѣпили со всѣхъ сторонъ Судебные Уставы, несмѣняемость оставалась непоколебленной и, если послѣ судебной реформы члены новой магистратуры могли честно и мужественно отправлять дѣло правосудія, при чемъ имъ приходилось встрѣчаться и сталкиваться съ интересами безотвѣтственныхъ и привыкшихъ къ безнаказанности лицъ, и съ тѣми или иными видами правительства, то только благодаря несмѣняемости.

Опредѣленная и чрезвычайно хитро задуманная попытка ограниченія принципа несмѣняемости была сдѣлана въ 1894 году при созданіи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Несмотря на всѣ прикрыванія истинныхъ цѣлей учрежденія комиссіи разными словами объ «упрощеніи дѣла судопроизводства» и т. д., комиссія мѣстами проговаривалась, и становилось ясно, для чего именно она создана. Такъ, на страницѣ 54 т. I ч. I, составленной комиссіей объяснительной записки къ проекту новой редакціи Учрежденія Судебныхъ Установленій, читаемъ: «Призванное къ завѣдыванію дѣломъ правосудія и отвѣтственное за успѣшное его отправленіе, правительство, несомнѣнно, должно имѣть возможность вліять надлежащимъ образомъ на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть»... Въ дальнѣйшемъ, министры юстиціи типа щегловитовыхъ уже безъ всякихъ церемоній и съ циничной откровенностью прямо сажали на судейскія мѣста людей, умѣющихъ угождать имъ. Но всѣ эти эксперименты съ принципомъ несмѣняемости лишній разъ доказывали, какъ крѣпко за него нужно держаться и насколько онъ необходимъ для борьбы съ произволомъ властей.

Какъ-то странно, что сейчасъ, во время Великой Россійской Революціи, въ свободной Россіи приходится повторять то, что давно почитается азбучной истиной. Но вѣдь въ печати прошелъ слухъ, что въ министерствѣ юстиціи возникло предположеніе

о временной отмѣнѣ несмѣняемости судей. И приходится повторять старыя заслуженныя истины. Приходится писать, что нужно твердо помнить и вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ, что безъ тѣхъ раціональныхъ основныхъ принциповъ, которые положены въ основу Судебныхъ Уставовъ, невозможно водвореніе въ жизни истиннаго правосудія, которое одно лишь способно и въ силахъ развить и углубить въ народѣ чувство правосознанія. Правосознаніе это будетъ способствовать выявленію и укрѣпленію въ малосознательныхъ частяхъ народа, развращенныхъ разгуломъ безправія полицейскаго строя, чувство подлинной свободы и уваженія къ свободѣ.

Невольно зарождается тревога за дѣло правосудія, когда слышишь о возможности отмѣны несмѣняемости судей, хотя бы и временной, такъ какъ это все равно подорветъ принципъ въ корнѣ. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы оправдать этотъ шагъ правительства. Всѣ тѣ основныя начала раціональнаго судоустройства, которыя изъ тьмы самодержавія, вопреки всѣмъ усиліямъ палачей правосудія, дошли до насъ, должны быть не отмѣняемы и ослабляемы, а еще болѣе укрѣпляемы для усиленія довѣрія народа къ суду. Не колебать эти принципы, а еще болѣе и ярче выявлять ихъ призвана революціонная власть. Нельзя ради изгнанія изъ судовъ нѣсколькихъ щегловитовскихъ судей вынимать душу изъ великихъ принциповъ и оставлять одну лишь форму. Вѣдь если въ русскихъ судахъ появились неправосудные судьи, то только потому, что для достиженія темныхъ цѣлей деспотизма щегловитовы старались колебать независимость суда и насаждать угожденіе и лакейство судейское. Правда, скажутъ, что щегловитовы въ этомъ нѣсколько успѣли. Но болѣзнь не такъ сильна, чтобы нужно было прибѣгать для лѣченія къ такимъ средствамъ, какъ отмѣна несмѣняемости судей. Революція и яркій свѣтъ свободы въ связи съ тѣмъ воспитательнымъ значеніемъ, которое имѣютъ основныя начала Судебныхъ Уставовъ, очень быстро оздоровятъ тѣхъ судей, которые были поставлены для служенія видамъ и интересамъ правительства или отдѣльныхъ группъ населенія.

На мрачномъ фонѣ щегловитовской юстиціи колебаніе принципа несмѣняемости судей было однимъ изъ самыхъ темныхъ пятенъ. Въ свободной Россіи въ дѣяніяхъ революціонной власти такое пятно будетъ казаться еще темнѣе.

Будемъ надѣяться, что не путемъ ограниченія признанныхъ жизнью принциповъ будетъ укрѣпляться правосудіе въ свободной Россіи, а путемъ болѣе полнаго проведенія ихъ въ жизнь и путемъ законодательнаго творчества, простого и смѣлаго, идущаго изъ жизни, которая вѣдь есть теперь Революція, дающая такъ много творческихъ силъ. *Ам. Адамовъ.*

ХРОНИКА.

Отъ группы поэтовъ, художниковъ и артистовъ изъ Петрограда присланъ въ редакцію

1-й МАНИФЕСТ

«РЕСПУБЛИКИ СОЛНЦА».

Мы,—
женщины, дети и мущины,
близкие простому солнцу,
возмущены
монетами и бойней,
которых никому не надо,
постановили, что всего достойней
учреждение новаго града.
все, кому поет зеленая трава,
кто еще может петь, работать,
и кому надоела гнусная отрава
конторы или сахарнаго завода
и те, больные зеленым маем,
и те, кто не нашел свой дом,
идите к нам,
где солнце гуляет
и бегает
по реке босиком.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Юрий Деген.

НОВАЯ РЕСПУБЛИКА СОЛНЦА.

— Что. Где.—И однако эта республика есть.

Идите,

у кого руки не разучились работать, уста смеяться, сердца петь, кто истосковался по лучшим дням человечества, когда под солнцем всякое ремесло было свободным и веселым.

Республика рада назвать своими предвестниками и гражданами достойных сынов высокаго солнца:

Икара
Коперника
Гогена, Франсуа, Вилл'она, Д. Гарибальди,
М. Кузьмина, Деогена, Анатолія Франса,
Э. Т. А. Гофмана
и
Бенвенуто Чиллини.

За справками обращаться: Склад книгоиздательства «Марсельских Матросов» Петроград Александровскій Проспект 4., кв. 6.

Издатель Н. В. Петровъ. Редакторъ Алексѣй Боровой.

Золотая медаль Министерства Торговли и Промышленности за высокое качество издѣлій.

ОБЩЕСТВО ПРОИЗВОДСТВА и ТОРГОВЛИ

РЕЗИНОВЫМИ ИЗДѢЛІЯМИ

„БОГАТЫРЬ“.

МОСКВА.

Отдѣленія во всѣхъ крупныхъ городахъ

РОССІИ.

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ:

Рукава пріемные и выбрасывающіе; рукава пеньковые-прорезиненные; пластина, трубки, клапана, буфера; обкладка валовъ и колесъ; ремни резиновые и транспортеры; респираторы, прорезиненная матерія и резиновый клей; изоляціонная лента; изоляція кабелей; трубка эбонитовая-полутвердая; ящики эбонитовые для аккумуляторовъ и вообще всякаго рода издѣлія изъ резины и эбонита по чертежамъ, образцамъ и моделямъ.

ИЗДАНІЯ Н. В. ПЕТРОВА.

„КЛИЧЪ“

ДВУХНЕДѢЛЬНИКЪ

подъ ред. АЛЕКСѢЯ БОРОВОГО.

ЗАДАЧИ: Защита автономной личности и творческаго самоутвержденія; объединеніе, организація и защита классовыхъ интересовъ трудовой интеллигенціи.

Цѣна отд. № 50 коп.

Высылается по полученіи переводомъ 35 коп., заказной бандеролью за 75 коп., наложеннымъ платежомъ за 85 коп. Можно присылать деньги за нѣсколько номеровъ впередъ. Журналъ вслѣдствіе перегруженности типографіи выходитъ не въ срокъ и потому принимать годовую подписку издатель не находитъ возможнымъ.

———o———

АЛЕКСѢЙ БОРОВОЙ. Общественные идеалы современнаго человѣчества. Либерализмъ, соціализмъ, анархизмъ. 2-ое изданіе. Москва, 1917 г. Цѣна 50 к.

АЛЕКСѢЙ БОРОВОЙ. Классъ, партія и интеллектуальный пролетаріатъ. (Печатается.)

АЛЕКСѢЙ БОРОВОЙ. Революціонное творчество и парламентъ. (Печатается.)

АНОНИМНЫЙ ПОЭТЪ. Мой даръ. Книга откровеній. Роскошное изданіе. (Готовится къ печати.)

Продаются вездѣ.

Складъ изданій Н. В. ПЕТРОВА:
МОСКВА, Каретный рядъ, Б. Спасскій пер., д. 6, кв. 40.
Тел. 4-02-01.